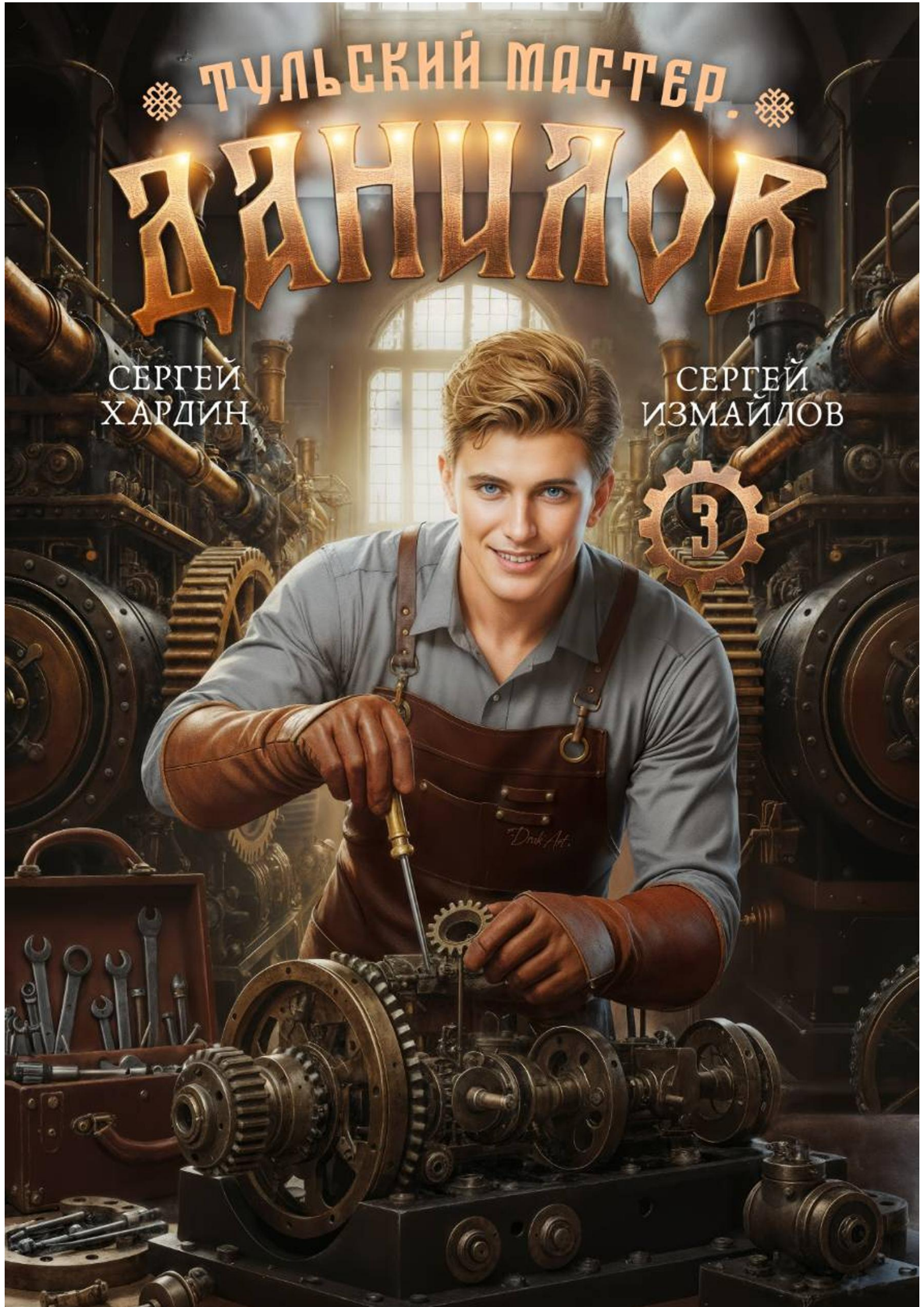

❄️ ТУЛЬСКИЙ МАСТЕР. ❄️

ДАНИЛАОВ

СЕРГЕЙ
ХАРДИН

СЕРГЕЙ
ИЗМАЙЛОВ

Сергей Измайлов

Данилов. Тульский мастер 3

«Автор»

«Автор»

2026

Измайлов С.

Данилов. Тульский мастер 3 / С. Измайлов — «Автор», «Автор»,
2026

А жизнь кипит и пенится, бьёт ключом. Хорошо, что не гаечным на тридцать два. Новые обстоятельства новые враги, новый уровень развития, но Алексей Митрофанович Демидов - парень не робкого десятка и никогда не отступает, а смело продолжает свой путь, втапывая врагов в придорожную пыль...

© Измайлов С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Данилов. Тульский мастер 3

Глава 1

Поздним вечером, что стало уже традицией, я вернулся в дом Гороховых. Физическая усталость (мои ноги гудели, а глаза слипались) усиливалась от морального истощения. В голове прокручивались детали последних дней: ресторан «Лондон», трактир на Хлебной, кабак «Венеция», конверт с деньгами, всё это было понятно и логично, кроме одного.

Мрачной тенью в этой истории стояла фигура таинственного человека, что выдал незадачливому вредителю столь малоизвестный алхимический состав.

В коридоре меня снова ждала Таня.

Она сидела на той же лестнице, где рыдала несколько дней назад, когда я застал её в истерике. Сейчас она была спокойна, но в глазах читалось беспокойство. Девушка поднялась мне навстречу, нервно поправляя платье.

— Лёша! — в её голосе звучала искренняя забота. — Совсем ты дома не бываешь. Я уже волноваться начала, думала, может, случилось что.

— Да, сестрёнка, — я улыбнулся, чувствуя, как при виде неё усталость немного отступает. — Дела: завод, университет, мастерская... Сама понимаешь. А скоро и совсем не буду здесь ночевать.

Таня побледнела, глаза её расширились, а руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Как так? — голос у неё дрогнул, а глаза предательски заблестели. — Ты уезжаешь? Совсем? Лёша, не надо!

— Тише-тише, — я взял её за плечи, легонько сжал, стараясь передать своё спокойствие. — Никуда я не уезжаю, просто переезжаю, и совсем недалеко.

Я кивнул в сторону окна, выходящего во двор. Там, в темноте, угадывался силуэт того самого флигеля — лаборатории её прадеда, где мы отыскивали с ней немало интересного.

Таня проследила за моим взглядом. На лице её сначала отразилось непонимание, потом удивление, а затем, кажется, начало доходить.

— Во флигель? — переспросила она, немного успокаиваясь. — Но как? Он же пустует не просто так, его и родители стороной обходят.

— Твой отец решил меня так отблагодарить, — я чуть покривил душой, не желая вдаваться в подробности карточного долга и векселя. — За помощь. Сказал, что мне нужно больше пространства для работы, а в доме тесновато.

Тане ни к чему быть в курсе всего нашего разговора с дядей. Она-то считает, что я помог совершенно бескорыстно, по доброте душевной. А я... ну, скажем так, доброта у меня была с лёгким привкусом прагматизма.

— Лёша, — произнесла она тихо, и в её голосе звучало столько тёплого чувства, что у меня внутри всё перевернулось. — Ты так много сделал для нашей семьи: для папы, для мамы... для меня. Если бы не ты, не знаю, что бы было. Ты нас всех спас.

— Ну, не всех, — усмехнулся я, слегка покачав головой. — Эдик бы со мной не согласился.

Таня фыркнула, прикрывая рот ладошкой, и в её глазах мелькнул озорной огонёк.

— Эдик вообще теперь из комнаты не выходит. Сидит, как мышь под веником. Мама говорит, за отца переживает. А я лично думаю, что боится. Тебя боится.

— Правильно делает, — сказал я без злости, но с твёрдостью в голосе. — Страх тоже иногда бывает полезен.

— Ты какой-то странный порой, Лёша. — Таня посмотрела на меня с искренним любопытством, склонив голову набок. — Иногда говоришь такие слова... будто не из нашего мира.

Я мысленно усмехнулся. Если бы ты знала, сестрёнка, насколько ты сейчас права.

— Ладно, — я легонько ущипнул её за нос, стараясь разрядить атмосферу. — Иди спать. Завтра новый день. А про флигель... Как только приведу его в порядок, приглашаю в гости, заодно поможешь мне с обустройством.

Таня просияла, её лицо озарилось радостью.

— Обязательно! — воскликнула она. — Спокойной ночи, Лёша!

Она чмокнула меня в щёку и убежала наверх, лёгкая, словно птичка, взлетающая к небесам. Её шаги по лестнице звучали всё тише и тише, пока совсем не затихли.

Я постоял минуту, глядя ей вслед, потом поднялся к себе на чердак. Я зажёл керосиновую лампу, присел на кровать, и обхватил голову руками.

Где-то внизу старинные часы пробили полночь. Город уже спал, погружённый в тишину, лишь изредка нарушаемую далёким лаем собак. А я смотрел в темноту, прислушиваясь к каждому звуку, и ждал утра.

— Завтра, — подумал я, чувствуя, как нетерпение охватывает меня. — Завтра всё и решим.

Утро выдалось ясным, но прохладным, на траве лежал первый серебристый иней, словно кто-то рассыпал на землю осколки хрусталя. Я шёл на завод, глубоко вдыхая холодный воздух, от которого щипало в носу и слезились глаза. Мысли были чёткими и ясными, как этот утренний свет, пробивающийся сквозь редкие облака.

Борис Петрович уже был на месте. Я застал его в конторе за тем же массивным дубовым столом, заваленным бумагами. Он пил чай из большой жестяной кружки, от которой поднимался пар, и что-то помечал карандашом на полях, поминутно хмурия брови.

— С утра пораньше? — удивился он, поднимая голову от бумаг. — Случилось что-то?

— Случилось, Борис Петрович, — я закрыл дверь, тщательно проверив, не подслушивает ли кто, и подошёл вплотную к его столу. — Есть разговор. Важный.

Он отложил карандаш, пододвинул мне стул, приглашая сесть.

— У меня есть все основания считать, — начал я без лишних предисловий, глядя ему прямо в глаза, — что один из охранников завода, тот самый Павел Мальцев, причастен к диверсии со станками. И, судя по тому, что мне удалось узнать, действовал он не сам по себе. Кто-то ему за это заплатил.

Борис Петрович нахмурился. В его глазах читалось недоверие, но он молчал, только тихо барабанил пальцами по столу, давая мне договорить,

— Я знаю, что он встречался с людьми, которые могли быть заказчиками, — продолжил я, глядя ему прямо в глаза. — Знаю, что получал деньги. И у меня есть свидетель, который видел его у бочек с маслом в то самое утро.

— Мальцев, — повторил Борис Петрович задумчиво, потирая подбородок. — Тот, что протеже Лаврентия, верно?

— Он самый.

Он покачал головой, и его усы недовольно встопорщились.

— Лаврентий его сюда сам пристроил. Хоть и дальний, но родственник. Сам-то Лаврентий... — он поморщился, словно откусил лимона, — мужик, конечно, скользкий, но, чтобы в такое вляпаться? Не верится.

— Лаврентий мог и не знать, — сказал я, взвешивая каждое слово. — А мог и прикрывать. Пока рано судить. Но Пашку брать надо, официально, под протокол.

Борис Петрович посмотрел на меня внимательно, его взгляд стал пронзительным.

— Доказательства есть?

— Косвенные, — признался я, не отводя взгляда. — Но, если его правильно спросить, он расколется. Такие, как он, долго не держатся. Тем более, когда понимают, что дело пахнет тюрьмой.

— Диверсия на военном заводе, — медленно проговорил Борис Петрович, барабанив пальцами по столу. — Это не просто тюрьма, это каторга. А если докажут, что по заданию врагов, то и вообще...

— Именно, — кивнул я. — Поэтому он будет говорить, если мы дадим ему шанс.

— Что ты предлагаешь? — нервно перебил меня начальник.

— Вызовите его сюда, в контору, — сказал я, наклоняясь вперёд. — Под любым предлогом. Для уточнения графика, для проверки документов, не важно. Я буду рядом, и поговорю с ним по-хорошему. Объясню, что, если он даст показания, это будет его единственный шанс избежать самого худшего. Расскажет всё сам, мы не станем передавать дело полиции, — продолжил я. — Ограничимся увольнением и пускай ступает на все четыре стороны. Ну а если будет молчать, значит сдадим властям со всеми уликами.

Борис Петрович надолго задумался. Сидел, сцепив пальцы в замок, и смотря в окно.

— Рискованно, — наконец произнёс он, нахмутив брови. — А как если он сбежит? Да и предупредит тех, кто за ним стоит?

— Не сбежит, — уверенно сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Он трус. Такие бегут, когда их ловят, а раз уже поймали, будет сидеть тихонько, и с места не двинется. И предупредить никого не будет — испугается, что его же первым и уберут, как ненужного, да и ненадёжного свидетеля.

— Ты, Алексей, опасный человек. — Борис Петрович хмыкнул, потирая подбородок. — Голова у тебя варит, как у старого сыскаря.

— Что поделать? Жизнь заставляет, — усмехнулся я.

Он помолчал ещё минуту, барабанив пальцами по столу. Потом кивнул, приняв решение.

— Хорошо. Когда?

— Чем раньше, тем лучше, — быстро проговорил я. — Давайте сегодня сразу после обеда. Смена у него дневная, он на месте. Вызовем в контору, и тут уже я его и встречу.

— Договорились, — Борис Петрович поднялся и протянул мне руку. — Я распоряджусь. А ты, Алексей... будь осторожен. Мало ли что.

— Буду, — пообещал я, крепко пожимая его мозолистую ладонь.

Я посмотрел на часы, до обеда оставалось всего четыре часа.

— Ну что ж, Паша, — подумал я, направляясь к двери. — Готовься, и лучше быть тебе более покладистым.

После обеда я стоял у окна в конторе Бориса Петровича и наблюдал, как по двору, перешагивая через мелкие лужи, бредёт Пашка Мальцев. Его вызвали «для уточнения графика выездов», формулировки достаточно скучной, чтобы не вызвать подозрений, но достаточно официальной, чтобы отказаться было невозможно.

Пашка шёл неторопливо, с ленцой, поигрывая связкой ключей. Форма охранника сидела на нём мешковато, но он умудрялся даже в этом чувствовать себя щёголем: фуражка чуть набекрень, усы подкручены, походка вразвалочку. И только когда он подошёл ближе, я заметил то, что выдавало его с головой: пальцы, нервно теребившие пуговицу, и быстрый, затравленный взгляд по сторонам.

— Чует кошка, чьё мясо съела, — подумал я, отходя от окна. — Всё одно волнуешься, ирод.

Борис Петрович сидел за столом, делая вид, что с головой углублён в бумаги. Я занял место в углу, у шкафа с чертежами, откуда Пашка не смог бы увидеть меня сразу.

Дверь скрипнула, Пашка вошёл, и остановился на пороге, щурясь после яркого солнца двора.

— Звали, Борис Петрович? — голос его звучал бодро, но в нём чувствовалась фальшивые нотки, как у плохого актёра.

— Заходи, Павел, заходи, — Борис Петрович указал на стул. — Садись. Разговор к тебе есть. У нас...

Пашка шагнул, сел, и только тут его взгляд упал на меня. Я стоял в тени, скрестив руки на груди, и смотрел на него спокойно, с лицом, не выражающим никаких эмоций. Эффект был мгновенным: он дёрнулся, будто его ударили током, побелел, руки заметно задрожали.

— А этот... — начал он, пытаясь вскочить со стула, — а он тут зачем?

— Сидеть! — голос Бориса Петровича мгновенно стал жёстким и грубым. — Павел, не усугубляй своё положение.

Пашка рухнул обратно на стул, едва не опрокинув его. Я медленно вышел из тени, неторопливо приблизился к столу и сел напротив него так, что нас разделял лишь угол потёртой столешницы.

— Паша, — произнёс я негромко, практически дружеским тоном. — Давай обойдёмся без лишних слов. Ты прекрасно знаешь, о чём сейчас пойдёт речь. О масле, которое ты подлил в бочку, предназначенную для обслуживания станков. О том самом, из-за которого чуть не остановился весь цех.

Грех было не приукрасить его «заслуги», с одной стороны, но и знать ему, что «шутка» удалась, тоже было ни к чему. Бережёного Бог бережет, знаете ли.

— Чего?! — он попытался изобразить возмущение, но его голос предательски сорвался на фальцет. — Да вы что! Я ничего не... Не знаю я никакого масла! Это клевета!

— Не торопись, — перебил его я, стараясь сохранять нейтральный тон. — Я не голословно обвиняю тебя, а знаю буквально поминутно, где ты был последние несколько дней и что делал.

Я достал из кармана маленький блокнот, и раскрыл его. Пашка смотрел на меня с ужасом, как кролик зачарованно глядит на удава, не в силах броситься наутёк.

— В понедельник вечером, — начал я перечислять, загибая пальцы, — ты после смены переоделся в дорогой костюм. Новый, купленный совсем недавно, верно? Потом отправился в ресторан «Лондон» на Дворянской. Заказал роскошный ужин, дорогое вино. Сидел два часа, читал газету. И оставил официанту копеечные чаевые, просто смешные для такого заведения. Смотри, в следующий раз они тебе в борщ плюнут за подобное.

Я усмехнулся, и негромко, но слышно для виновника добавил «Хотя, какой другой раз, что я право», отчего Паша еще больше побледнел и мелко задрожал.

— Потом пешком пошёл на Хлебную, в трактир «Разгуляй», — продолжил я. — Там заказал водки с огурцом и просил в долг, но увы, не вышло. Даже в откровенном гадюшнике, и то тебе на слово не верят.

Пашка затрясло ещё сильнее. Его пальцы вцепились в колено с такой силой, что побелели костяшки на руках.

— Во вторник, — продолжал я спокойным голосом, — ты после смены встретился с Аркадием в кабаке «Венеция» на Подьяческой. Сидели за дальним столиком. Он передал тебе конверт с деньгами. Вот только дал маловато, не заслужил ты на большее.

Да, не скрою, откровенно додумывал, но здесь ситуация была уже вполне понятна, во всяком случае с этим «товарищем».

Прости, дорогой, — я словно опомнился, — начал с самого конца, потому как твой «подвиг» не только я описать могу. Спалился ты родной, излишне долго крутишься да склянкой «светишь».

Пашка даже не пытался больше ничего сказать, лишь смотрел на меня остановившимся взглядом, и крупные капли пота выступили у него на лбу.

— Всё верно? — спросил я мягко, наклоняясь к нему через стол.

Он судорожно сглотнул, и его кадык резко дёрнулся, словно пытаюсь вырваться из горла.

— Откуда... — прохрипел он, с трудом выдавливая слова. — Вы... вы следили за мной?

— Это уже неважно, — я убрал блокнот, не сводя с него пристального взгляда. — Важно другое, Паша. Сейчас ты имеешь дело не с Аркашкой, а со мной. И у меня достаточно информации, чтобы передать дело в полицию. Диверсия на военном заводе, это, знаешь ли, серьёзная статья. Ты понимаешь, что это значит?

Он это понимал, в его глазах сейчас плескался самый настоящий, животный ужас, я слишком хорошо знал этот взгляд по прошлой жизни, когда доводилось видеть людей на грани.

— Я... — он облизнул пересохшие губы, его голос дрожал. — Я не хотел... Меньшиков сказал, это просто шутка... Что масло безвредное, просто станки на пару дней встанут. Он хотел вам насолить, так он сказал...

— А жидкость? — я подался ещё вперёд, нависая над столом. — Кто дал тебе жидкость? «Масло Тихого Камня», которым ты отравил смазку? Аркадий таких вещей знать не может. Кто?

Пашка затравленно оглянулся на дверь, словно боялся, что кто-то войдёт и услышит его признание. Потом снова посмотрел на меня. В его взгляде боролись страх и надежда.

— Если я скажу... — пролепетал он, с трудом выговаривая слова. — Что будет со мной?

— Ты получишь шанс, — твёрдо ответил я. — Если расскажешь всё сам, честно и без утайки, мы не будем передавать дело полиции. Уволишься, и исчезнешь с моего горизонта, а мы, так и быть, забудем о тебе. А если будешь молчать или, Боже упаси, соврёшь, то пойдёшь под суд, а там тебя ждёт, по меньшей мере, каторга. Бессрочная, скорее всего. Киркой махать любишь?

И тут он сломался, я уже видел подобные моменты, когда человек перестаёт держаться за свою ложь и падает в пучину правды, потому что только там есть хоть какая-то надежда на спасение.

— Это... это Аркадий Меньшиков, — забормотал он, с трудом сдерживая дрожь в голосе. — Он сказал, что это шутка... Я думал, правда шутка... Заплатил...

— Ты это уже говорил, — перебил его я, не давая ему уйти от главного вопроса. — Кто дал жидкость?

— Не он, — Пашка мотнул головой. — Другой человек. Я его раньше не видел, взрослый, лет сорока пяти-пятидесяти. Одет богато: пальто дорогое, с бобровым воротником, трость с серебряным набалдашником и каким-то камнем. На правой руке перстень, с какой-то синей вставкой...

Вот и получили словесный портрет таинственного алхимика, но что, чёрт возьми, могло связывать такого человека с молодым недорослем Аркашей? Ладно этот дурачок, он и по возрасту, и по запросам крутится с Меньшиковым-младшим в одних кругах, но этот гражданин откуда взялся?

— Бородка аккуратная, седина на висках, — продолжал Пашка, обливаясь холодным потом. — Говорит... складно, велеречиво, немного старинно, но в целом понятно...

— Где ты его встретил? — спросил я, стараясь скрыть волнение.

— В трактире «Разгуляй», — выпалил Пашка, едва дыша, его голос дрожал. — За день до того, как... ну, с маслом. У меня сложности возникли, по финансовой части. Отец, сквалыга, перекрыл доступ к «казне», — на этой части рассказа он даже несколько взял себя в руки, —

говорит, хочешь дураком ходить, ходи, но за свои. Он, дескать, в мои годы... Эх, во всём он и виноват.

Странно, сколько уже раз за прожитые года я слышал подобные обвинения. Все вокруг виноваты, один я такой хороший, да только невезучий.

— Так вот и пришлось существовать на то, что маменька подкинет, но с таких крох не разжиреешь, — Паша снова всхлипнул. — Аркаша и раньше всюю интересовался у меня, что и как на заводе, и как там его «крестник» поживает, вы, то бишь. Часто спрашивал. А тут отозвал в сторонку и спросил, не хочу ли я денег поднять? Сумма приличная, дел на минуту, ничего страшного делать не следует. Халява же, — прохрипел он, проглатывая слёзы.

Не дошёл ребёнок в детстве до рассказа про бесплатный сыр из мышеловки. Ещё один минус отсутствия мозгов в голове.

— Так вот, — продолжил Павел. — Он и договорился, сказал, когда и куда приехать. Сижу, а тут этот подходит, старый. Протягивает бутылёк и говорит, что делать следует.

— Имени его не знаешь? — перебил я, продолжая нависать над ним.

— Нет, — Пашка затряс головой, словно пытаясь избавиться от страха. — Только Аркадий называл его «почтенным господином». Больше ничего.

Я переглянулся с Борисом Петровичем. Тот сидел мрачнее тучи, сжав зубы так сильно, что желваки заиграли на его лице.

— Ладно, Паша, — я наконец выпрямился перед столом. — Иди. Но запомни: если ты кому-то расскажешь об этом разговоре, если попытаешься предупредить Аркадия или этого «почтенного господина», или же я узнаю (а я узнаю, поверь), что ты не всё нам поведал сейчас, я тотчас передам все материалы в полицию. А пока... — тут я, на всякий случай покосился на Бориса Петровича. Он, явно нехотя, коротко кивнул. — ты свободен. Но чтоб был тише воды ниже травы, из дома не выходить, за этим присмотрят. Понял?

— Понял, — прошептал он, с трудом поднимаясь. Ноги его не держали, он покачулся, схватился за спинку стула, его лицо было белее мела. — Спасибо... Алексей... Митрофанович...

— Иди отсюда, — рявкнул на него я.

Он выскользнул за дверь, словно тень.

В кабинете повисла тяжёлая тишина. Борис Петрович тяжело вздохнул, провёл ладонью по лицу, словно пытаясь стереть усталость и тревогу.

— Значит, Меньшиков-младший, — проговорил он глухо, сжимая кулаки. — Сопляк, а туда же, в диверсанты полез? Отец то его уважаемый человек, чиновник, промышленник, меценат, какой позор на его голову. — Тут начальник потянулся к графину с водой, — вот ведь закавыка, и не скажешь ему теперь, с такими людьми ссориться последнее дело. Алексей, — тут Борис Петрович посмотрел на меня, — но ведь ты же понимаешь, что мы в полицию пойти не сможем в случае чего, как Паше говорили. Если вся история выплывет, с меня первого голову снимут, что своевременно не сообщил, — старик тяжело вздохнул, — при таком раскладе я сам с лопатой буду рядом с пареньком в руднике куковать.

— Спокойствие, только спокойствие, — мягким голосом произнёс я. — Никуда Павел не пойдёт и сообщать никому не будет. Дойти до ваших умозаключений сам он точно не сможет, к Аркашке не пойдёт, он может и дурачок, но понимает, что он для него отработанный материал. Да и что он скажет? — я развёл руками, — слово одного мажорика на другого? Так у Меньшикова-младшего голос, однако, повесомее будет.

— Пожалуй ты и тут прав, — согласился со мной начальник цеха. — А этот господин, с перстнем и тростью, кто же он такой?

— Хороший вопрос, — я подошёл к окну и посмотрел на заводской двор. Пашка быстрым шагом, почти бегом, нёсся к проходной, забыв про свою важную походку. — У меня есть одна

догадка. Гончар Колчин рассказывал про такого же богатого барина, что покупал у него особую глину и интересовался минералами. Похоже, это тот же самый человек.

— Особую глину? — Борис Петрович поднял брови. — Алексей, ты чего-то не договариваешь.

— Договариваю, Борис Петрович, — обернулся я. — Просто постепенно. Пока сам не пойму до конца, не хочу гадать на кофейной гуще. Но этот человек... Он не просто так появился, и, пожалуй, Меньшиков всего лишь инструмент в его руках.

— Странная история, — сказал Борис Петрович, снова нахмурившись. — И очень опасная. Смотри, Алексей, не сломай себе шею.

— Где наше не пропадало, — усмехнулся я. — Спасибо за помощь. Я пойду.

— Иди. — Начальник выглядел не на шутку встревоженным. — И будь осторожен.

Глава 2

Я вышел из конторы, на моей душе было муторно. Головоломка складывалась, но вместо ясной картины вышло нечто зыбкое. «Почтенный господин» с перстнем, связанный с Меньшиковым, охотящийся за магическими ресурсами... Кто он? Кроме относительно полного словесного портрета от Павла (будем надеяться, что с испуга он ничего не перепутал) у меня ничего не было. Тула, конечно, не Первопрестольная, однако же и здесь можно было затеряться.

В этот раз, на удивление, я шёл к ребятам ещё засветло. Но, подходя к мастерской, мой нос уловил такие ароматы, что шаг сам собой ускорился. Жареное мясо, лук, чеснок, какие-то травы... Сиплый определённо нашёл своё истинное призвание.

“Если выгорит с кузницей, — подумал я, открывая дверь, — откроем корчму. Без прибыли не останемся”.

Гришка сидел у горна, задумчиво помешивая угли длинной кочергой. Моня дрых в своём углу, изредка подёргивая лапами, наверное, снилось ему что-то важное, потому что он тихо порывал во сне.

— Ну что? — спросил Гришка, увидев меня. — Раскололся вражина?

— Раскололся, — я устало опустился на табурет, вытянув гудящие ноги. — Всё подтвердилось, заказчик Меньшиков. А жидкость дал ему какой-то «почтенный господин» с перстнем, возможно, тот самый, про которого Колчин ещё рассказывал.

Гришка присвистнул, а его глаза расширились от удивления.

— Барин? Значит, он и с Аркадием связан?

— Выходит, так, — кивнул я, потирая переносицу. — Завтра думаю пойти к гончару. Может, он ещё что-то знает. Или видел его ещё раз.

— Может, и мне с вами? — предложил Гришка, поднимаясь. — Вдруг что?

— Нет, — я покачал головой. — Ты оставайся здесь. За Пашкой надо приглядеть пару дней, он, конечно, теперь тише воды, ниже травы, но на всякий случай стоит продолжить. Если что-то вдруг особенное, пошлешь кого-нибудь за мной.

— Добро, — Гришка отложил кочергу, а его лицо выражало решимость.

— А ужинать-то будете? — раздался голос Сиплого. — Я там зайца зажарил, с луком и чесноком. Пальчики оближете.

Я снова принял. Действительно, запах стоял умопомрачительный: пряный, с нотками жареного мяса и трав, от которого рот вмиг наполнился слюной.

— А давай, — согласился я, чувствуя, как голод даёт о себе знать. — Заодно и подумаем.

Сиплый, услышав моё согласие, засуетился в своей импровизированной кухоньке. Через минуту передо мной стояла глубокая миска с дымящимся мясом, от которого шёл манящий аромат. Моня, спавший в углу, заворочался, и засопел ещё громче, даже сквозь сон ощущая аппетитный запах.

— Хорошо живём, — усмехнулся я, отламывая кусок хлеба. — Почти как белые люди.

Гришка хмыкнул, устраиваясь напротив.

— Так вы, Алексей Митрофанович, нас людьми и сделали. Не было бы нашей встречи, мы бы так шпаной и оставались, по подворотням шныряли. А теперь вон оно как. И дело, и почёт, и жратва нормальная.

— Ну почёт — это вообще дело наживное, — сказал я, тщательно пережёвывая сочное мясо. — Главное головы не потерять. И чтобы враги не достали.

— А этот барин... он опасный? — в голосе Гришки слышалось искреннее беспокойство.

— Опасный, — кивнул я, откладывая ложку. — Очень. Иной просто так глину и минералы искать не будет. Он знает, что это такое, а значит, он из тех, кто понимает в магии. Или, по крайней мере, знает тех, кто понимает.

Гришка задумался, его брови сошлись на переносице.

— Может, из тайной полиции? Или из этих... как их... охранников имперских?

— Может, конечно, — согласился я, задумчиво глядя в огонь. — Но что-то мне подсказывает, что не всё так просто. Если бы он был из властей, то в диверсии не участвовал бы. А тут этакий кунштюк, да чужими руками...

Мы замолчали, и каждый погрузился в свои мысли. За стенами кузницы гулял пронизывающий осенний ветер, протяжно завывая в трубе, где-то вдаль завывала собака. Моня вздрогнул во сне, тоненько тьякнул и снова затих, свернувшись калачиком.

Я уже допивал чай, когда Гришка подошёл к столу, вытер руки ветошью и присел напротив.

— Алексей Митрофанович, — сказал он негромко, чтобы Сиплый с Митькой не отвлеклись от своих дел. — По металлу мы же вопрос решили, так тут уже пара соседних кузнецов интересовались, не продадим ли излишки.

— Не сейчас точно, — сказал я. — Сначала свои нужды закроем, а потом посмотрим.

Гришка кивнул, отошёл в сторону, а я допил чай и уже поднялся уходить, как вдруг на улице раздался крик.

— Дяденька Алексей! Дяденька Алексей!

По дороге, размахивая руками, нёсся мальчишка, кажется, один из тех, кому я чинил игрушки. Запыхавшийся, красный, шапка набекрень.

— Ты чего, малой? — спросил я, пустив его внутрь. — Что случилось?

— Там... — он согнулся, пытаясь отдышаться. — Дедушка Колчин... велел передать... одно слово... «барин»! Сказал, вы поймёте!

Внутри всё оборвалось.

— Спасибо, — бросил я ему и рванул с места.

Я бежал так, как не бегал, наверное, никогда в этой жизни. Ноги сами несли вперёд, перепрыгивая лужи, огибая прохожих, срезая углы. Сердце колотилось где-то в горле, лёгкие горели огнём.

Только бы не опоздать. Только бы не опоздать.

Домики мелькали, как в калейдоскопе. Люди шарахались в стороны, кто-то, кажется, даже крестился, приняв меня, пожалуй, за умалишенного. Но мне было всё равно. Я, наконец, выскочил на ту улицу, где была гончарня старика Колчина, и замер. От ворот его дома отъезжала бричка с поднятым верхом. Чёрная, лакированная, запряжённая парой вороных лошадей, с виду холёных, с блестящей шерстью. Кучер на козлах, важный детина, в длинном пальто и окладистой бородой, уже принялся нахлёстывать лошадей, и те уже начали ускорять свой бег.

На сидение я успел заметить только фигуру человека в темном длинном пальто и край его шляпы.

Кричать с требованием остановиться глупо и бессмысленно, скорей извозчик ещё больше подстегнёт лошадей. Значит придётся действовать наскоком, что я и сделал. Из последних сил я ухватился за заднюю часть брички, высунулся насколько возможно.

— Дяденька! - нарочито детским голосом закричал я, пародируя уличных зазывал. — Глина, отменная, почти как живая за полцены не интересуется?

— Голубчик, остановись, — громко и требовательно произнёс смутно знакомый мне голос.

Карета дёрнулась и её потрянуло, будто лошади споткнулись на ровном месте. Кучер рванул вожжи, осаживая пару гнедых. Те заржали, попробовали было встать на дыбы, но помешала упряжь, и через несколько секунд бричка замерла посреди дороги.

Я спрыгнул на землю и встал в ожидании. Сбоку, у ворот гончарни, мелькнула тень Колчина: старик осторожно выглянул, бросил быстрый взгляд на меня, на застывшую повозку, и тут же скрылся обратно. Мудрый человек, ничего не скажешь, точно знает, когда лучше держаться в стороне.

Сначала медленно показалась рука в тонкой перчатке, затем край элегантного пальто. Наконец показался сам таинственный посетитель гончара, и тут меня словно ударило молнией.

Естественно, я узнал этого человека. Узнал до онемения в пальцах, до ледяного кома в груди и звенящей пустоты в голове. Этого человека не должно было здесь быть. Он не мог сидеть в этой карете, не должен был охотиться за магическими тайнами, не имел права смотреть на меня с таким превосходством. Наверное...

Но он был здесь, и это ещё больше запутало меня.

Передо мной стоял никто иной, как профессор Вольский, опираясь на подножку брички. Его взгляд был спокойным и скучающим, словно мы встретились не посреди тёмной улицы у ворот гончарной лавки, а в тихом университетском коридоре во время перемены.

Я замер, чувствуя, как внутри всё похолодело. В голове с оглушительным скрежетом проворачивались шестерёнки, отчаянно пытаюсь собрать разлетевшуюся вдребезги картину мира в единое целое.

Гончар Колчин. Магическая глина, таящая неведомые свойства. Кварц и обсидиан, чьи тайны ещё предстояло разгадать. Таинственный «барин», покупающий всё это у гончаров. Пашка Мальцев, чей рассказ дрожащим от страха голосом ещё звучал в памяти. «Почтенный господин» с перстнем, украшенным редким камнем, и тростью, с такими познаниями из ныне запрещённого алхимического списка. «Масло Тихого Камня», окутанное, скорее, легендами, чем фактами. Диверсия, тень которой накрыла наш завод, но первопричиной стал именно я. И теперь — профессор Вольский, мой учитель, человек, который спас завод, выдав нейтрализатор...

— Студент Данилов, — голос Вольского прозвучал без малейшей тени удивления. Он даже бровью не повёл, словно моя отчаянная погоня с ценным предложением была всего лишь незначительным эпизодом в его насыщенном дне. — А вы здесь старику-гончару по сходной цене помогаете, или для студенческого театра репетируете?

Я медленно открыл рот. Закрыл, как никогда чувствуя себя не в своей тарелке. Снова открыл, одновременно пытаюсь найти хоть какие-то внятные слова, но язык словно прилип к гортани. В голове не было ни одной связной мысли, лишь белый шум и острое ощущение, что земля уходит из-под ног, оставляя меня висеть в пустоте. Я никак не мог поверить, что именно он и является источником проблем, такого просто не может быть.

— Я... профессор... — выдавил я наконец, с трудом разжимая пересохшие губы. — Я не...

— Ах, нет, — он вдруг улыбнулся, и от этой спокойной, ласковой улыбки у меня внутри всё похолодело ещё сильнее. — Я, кажется, ошибся. Это вы, видимо, так торопитесь рассказать мне о вашем домашнем задании с семинара. Как там мой «камушек»? Что он вам открыл за это время?

— Профессор, — я постарался взять себя в руки, сжимая кулаки в карманах, чтобы унять дрожь. Голос, к моему удивлению, прозвучал ровно, хотя внутри всё лихорадочно трепетало. — Увы. Общая загруженность... завод, учёба... Я вынужден был отложить это ваше задание.

— Отложить? — Вольский слегка приподнял бровь, и в этом движении сквозило не удивление, а ирония. — Вот как значит?

Он сделал шаг ко мне, и я непроизвольно напрягся, готовясь к любой неожиданности. Но профессор лишь разглядывал меня с лёгким, практически отеческим любопытством, словно учитель, наблюдающий за растерянным учеником перед ответом у доски. Хотя, это было неда-

леко от истины. Его глаза, холодные и пронизательные, скользнули по моему лицу, будто пытались прочесть скрытые мысли.

— Ну, ничего, — произнёс он, наконец, после своего осмотра. — Раз вы всё равно ничем сейчас не заняты, поедemте со мной. Устрою вам блиц-опрос на месте, в своей лаборатории.

Я лихорадочно соображал, перебирая в уме возможные предлоги, отговорки, любую спасительную ложь, лишь бы не садиться в эту карету. Хотя я и не чувствовал исходящей от него опасности, но всё равно что-то не давало мне покоя. Время будто замедлилось, каждая секунда тянулась бесконечно, пока я пытался ухватиться хоть за какую-то идею.

— Профессор, я бы с радостью, но кристалла при мне нет, — выпалил я первое, что пришло в голову, чувствуя, как снова пересохло в горле. — Я оставил его дома...

Вольский беззвучно усмехнулся, и медленно, с какой-то ленивой, но хищной грацией, поднял руку и указал ею на меня. Точнее, на мой пиджак, во внутреннем кармане которого, спрятанный, лежал выданный им минерал.

— Голубчик, — произнёс он мягко, и в этом «голубчик» прозвучала такая обезоруживающая снисходительность, что я почувствовал, как краснеют щёки. — Вы это сейчас серьёзно?

Я смотрел на его спокойное, насмешливое лицо и понимал: этого человека не вывести из равновесия. Он был расслаблен, словно ехал на воскресную прогулку в парк, а не предлагал поехать с ним студенту, который только что уличил его в вероятной причастности к государственному преступлению.

Или не уличил?

Может, я вообще неправильно всё понял?

Я всё же решился пойти дальше. Мы сели в бричку

Вопросов было столько, что голова шла кругом, а мысли путались, наскაკивая друг на друга. Я незаметно, краем глаза, разглядывал его.

Из описания Павла Мальцева подходил только возраст и манера общения, по остальному был полный провал, я ни разу не замечал его с тростью, равно как и из украшений у него на пальце была надета золотая печатка со странным вензелем. Однако, его интерес к магической глине только подтверждал мои опасения.

Но почему тогда он не скрывается? Почему не приказывает кучеру гнать лошадей прочь от настырного студента, сующего нос не в своё дело? Почему, чёрт возьми, насвистывает мелодию модной в этом сезоне оперетты, будто прогуливается по бульвару в воскресный полдень?

Я и не заметил, как мы уже подкатили к университету. Вахтёр на входе, мужик с обрюзгшим лицом и седыми усами, вечно недовольный, словно жизнь обидела его ещё в колыбели, открыл было рот, чтобы выдать мне порцию праведного гнева: «Студент, ты куда прёшь? Здесь не ночлежка, приходи завтра!», но тут за моей спиной возник сам Вольский. Вахтёр икнул, попятился и быстро исчез в своей каморке, оставив после себя лишь лёгкое амбре табачного перегара.

Мы поднялись по лестнице, прошли по тёмному коридору, где каждый шаг отдавался гулким эхом. Дитина-возничий молча топал за нами со смутно знакомым увесистым баулом из влажной мешковины.

Вольский открыл дверь и махнул кучеру на один из углов, куда тот бережно опустил свой груз, и удалился, не произнеся ни слова. Профессор же прошёл к своему столу, жестом указал мне на стул и сел напротив, расположившись с той непринуждённой грацией, которая выдавала в нём человека, привыкшего быть хозяином положения.

— Итак, молодой человек, — сказал он, пронизательно глядя мне прямо в глаза. — Давайте я сэкономлю своё и, пожалуй, ваше время. Вы всерьёз думали, что я не замечу странного поведения гончара Колчина? Что не услышу его взволнованного шёпота маленькому «курьеру»?

Я молчал. Слова застряли где-то в горле, превратившись в колючий ком, который невозможно было ни проглотить, ни вытолкнуть.

— Вы славно поработали, Данилов, — продолжил Вольский, и в его голосе послышались нотки... одобрения? Это было настолько неожиданно, что я едва не вздрогнул. — Честно скажу, не ожидал. Даже старого гончара перетащили на свою сторону, хотя, я думал, что денежный вопрос перевесит на чашах его весов. Что ж, я впечатлён.

Он откинулся на спинку стула и сложил руки на груди, продолжая смотреть на меня с тем научным интересом, будто изучал редкий минерал под микроскопом.

— Но скажите на милость, — в его голосе промелькнула едва уловимая усмешка, — неужели вы совершенно предполагаете, что это именно я изготовил то «Масло Тихого Камня»? Что я, профессор Императорского университета, член нескольких учёных сообществ, буду замаран в подобном?

Я наконец обрёл дар речи, с трудом разжав сжатые челюсти.

— А кто же? — спросил я хрипло, и мой голос прозвучал чуждо, словно принадлежал другому человеку. — Описали алхимика похоже на вас, ну, относительно, гончар, опять же, рассказал о... — Я на миг задумался, формулируя удобоваримое описание, — почтенном господине, что интересуется... некими ингредиентами. — Я не стал упоминать слово «магические».

— Моя знания, действительно, позволили бы мне многое, — мягко перебил он, едва приподняв правую ладонь, словно останавливая поток моих обвинений. — Верно, как и мои связи и возможности. Да, теоретически это действительно мог быть я. Но, голубчик, «Масло Тихого Камня» — это не моя работа.

Он подался вперёд, и его взгляд стал острым, как лезвие бритвы.

— Альберт Штер, и я неспроста вам уже называл это имя, — произнёс он негромко, но каждое слово звучало, как удар молота по наковальне. — Беглый алхимик, чья «книга рецептов» была уничтожена по решению военного трибунала. Но не весь тираж, увы. Что-то ещё определённо уцелело. И я, признаться, давно ищу того, кто им владеет. Да и следы самого «мастера» затерялись...

Я смотрел на него, пытаюсь переварить услышанное, но мозг всё ещё отказывался принимать данную реальность. Мысли продолжали путаться в голове. С одной стороны хорошо, что это не Вольский, с другой же значило, что я не имел представления, где искать таинственного «почтенного господина».

— Тогда зачем вы покупали глину? — спросил я, чувствуя, как почва снова уходит из-под ног, а мир вокруг теряет чёткие очертания. — Зачем искали минералы?

— Вы забыли добавить «магическую глину»! — Вольский улыбнулся, но тепло, по-отечески, и в этой улыбке не было насмешки, лишь понимание, будто он читал все мои страхи и сомнения, как открытую книгу. — По той же причине, что и вы, Данилов, — ответил он, и в его голосе прозвучала непривычная мягкость. — Я ищу, исследую. Магия, алхимия, инженерия, всё это разные части одного целого — науки. Я, помнится, уже говорил это на своей первой лекции.

Он замолчал, давая мне время осмыслить сказанное. А я сидел, чувствуя, как рушатся все мои стройные теории, как карточный домик под порывом резкого ветра.

— Я дал вам этот кристалл не просто так, — тихо и вкрадчиво произнёс Вольский. — Я хотел проверить, что почувствуете вы. Способны ли вы увидеть то, что вижу я. Ваш ответ на семинаре, ваши вопросы на лекциях... Вы необычный студент, Алексей. И вы нужны мне.

— Для чего? — выдохнул я, и этот вопрос вырвался сам, как последнее сопротивление перед неизбежным.

— Пришла пора, Алексей, — ответил он, и в его голосе появилась та официальная нотка, с которой он, наверное, открывал заседания учёного совета, — поговорить серьёзно.

Я внутренне подобрался. Вот оно.

— Вы, конечно, уже догадались, что я не просто профессор кафедры материаловедения, — продолжал Вольский, барабанил пальцами по столу, ритмичный стук напоминал тикающие часы, отсчитывающих последние мгновения моей прежней жизни. — Моя деятельность несколько... шире. Третье отделение, голубчик. Слышали о нём, надо полагать?

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Тайная полиция. Политический сыск. Ссылки, каторги, жандармы в синих мундирах. Образ сурового чиновника с холодным взглядом и печатью беспощадной решимости на челе всплыл в сознании, заставляя внутренности сжаться в ледяной комок.

— Слышал, — ответил я как можно спокойнее, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Но, простите, профессор, я не революционер, не бунтовщик и даже не студент с вольнодумными идеями. Мне кажется, вы несколько ошиблись адресом.

— Ах, эти ваши шаблоны, — он усмехнулся и покачал головой, и в его движении читалось не раздражение, а усталость человека, которому не раз приходилось разбивать подобные иллюзии. — Третье отделение занимается не только политически неблагонадёжными и ссылными, Данилов. У нас есть и другие задачи. Например, своевременное выявление «особых» студентов. Тех, чьё мышление выходит за рамки стандартных программ. И особенно тех, кто обладает редким даром. — Он сделал паузу, и его взгляд стал ещё пронзительнее. — Как вы, Алексей.

Глава 3

Я открыл было рот, чтобы возразить, но он поднял руку, останавливая меня одним жестом, мягким, но непреклонным.

— И не вздумайте отнекиваться, я уже наслышан о вашей работе на заводе, Борис Петрович мой старый знакомый. Я давно понял, как вы диагностируете металл. И, наконец, вы смогли верно заподозрить “заражённое” масло. Другой бы даже не обратил внимание на его структуру. Да и обычный человек не станет рисковать жизнью, чтобы догнать карету потенциального злоумышленника.

Я молчал, ибо возражать не имело смысла, мне его догадки сейчас даже на руку.

— Империи, — продолжил Вольский, и голос его стал жёстче, обретая металлические нотки, — не нужны тайные алхимики, действующие в тени. Мало ли куда такой человек направит свои способности? Или, того хуже, продается врагам. Вам ли не понимать, как опасны подобные знания в неумелых руках?

Он замолчал, давая мне переварить сказанное. В лаборатории повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием газовых ламп.

— Поэтому, как бы это ни звучало, — Вольский развёл руками, и в этом жесте сквозила если и не угроза, то весьма явное предупреждение, — у вас, голубчик, ровно два варианта. Первый, и единственно благоприятный, это работа на благо нашего государства. Второй, диаметрально противоположный, это закрытый посёлок за Уралом, где вы сможете в тишине и покое изучать свои способности, но уже без права выезда и переписки.

Я слотнул. Ссылка. Он, конечно, называет это «закрытым посёлком», но суть та же: изоляция, потеря свободы, жизнь в клетке из колючей проволоки и под бдительным присмотром охранников.

— Ссылка? — уточнил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но внутри всё дрожало, как натянутая струна.

— Ну, в вашей трактовке это звучит так себе, — Вольский поморщился, будто от вкуса прогорклого масла. — Но в целом, я вижу, ход мыслей нашей службы вами понят верно.

Он подался вперёд, и его взгляд смягчился, приобретая почти отеческое выражение. В этот момент он перестал быть чиновником Третьего отделения — перед мной сидел учёный, увлечённый поиском истины.

— Я не враг вам, Алексей. Честно скажу, я рад, что нашёл вас раньше, чем это сделали другие. Поверьте, есть силы, которые заинтересовались бы вами с куда менее благородными целями. А теперь, — он кивнул на мою руку, которая всё ещё сжимала край столешницы, — давайте к делу. Что вы чувствуете при прикосновении к кристаллу?

Я выдохнул. Ладно, если он ждёт от меня правды, я скажу ему, что вижу.

Я достал из внутреннего кармана серо-жёлтый минерал, который он дал мне на прошлом семинаре. Кристалл лёг на ладонь, непривычно тёплый, будто живой, с едва уловимой пульсацией, напоминающей биение сердца.

Закрыв глаза, я позволил своему восприятию погрузиться в его структуру. Сначала почувствовал лишь лёгкое покалывание в пальцах, затем словно прошла волна тепла, растёкшаяся по руке. В сознании начали возникать образы: причудливые узоры, напоминающие кристаллическую решётку, мерцающие линии, соединяющиеся в неведомом танце.

— Он... живой, — прошептал я, не открывая глаз. — Не в буквальном смысле, конечно. Но в нём есть что-то, что откликается на моё прикосновение. Как будто он ждёт, когда его «разбудят».

Я ощущал тонкие эфирные потоки, исходящие от кристалла, они напоминали нити паутины, растянутые в пространстве. Если сосредоточиться, можно было уловить их вибрацию, словно отдалённый звон хрустальных колокольчиков.

Вольский молча кивнул, и в его глазах вспыхнул огонёк неподдельного интереса. Он откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и произнёс:

— Отлично, Алексей. Теперь мы действительно можем начать работу. Опишите, как и с чем вы можете взаимодействовать.

— Глина, — продолжил я, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё напряжённо вибрировало. — С ней проще всего. Она словно создана для этого: податливая, живая, отзывается на каждое прикосновение. Металлы похуже, но могу. Особенно если нужно найти микротрещину или оценить структуру. Дерево почти не чувствую, оно мёртвое в этом смысле, лишено той внутренней динамики, что есть у камня или металла. А недавно... — я запнулся, взвешивая, стоит ли говорить дальше, но Вольский смотрел на меня с таким неподдельным интересом, что слова сами вырвались, — недавно обнаружил, что могу и жидкости. Как то самое масло, например. Если быть точным, я могу видеть в нём чужеродные включения, словно они подсвечены изнутри.

Вольский высоко поднял брови, а в глазах вспыхнул хищный огонёк, какой бывает у охотника, заметившего добычу.

— Жидкости? — переспросил он, и в его голосе прозвучало нечто среднее между изумлением и восторгом. — Это... неожиданно. Очень неожиданно. И как вы это делаете? Опишите процесс.

Я задумался, пытаюсь облечь в слова то, что обычно происходило на уровне ощущений.

— Это не зрение, — начал я медленно. — Скорее... восприятие. Когда я касался масла, то чувствовал его структуру: как оно течёт, как взаимодействуют его частицы. Если там есть что-то лишнее, чуждое, это создаёт... некий дисбаланс.

Вольский кивнул, будто сверяя мои слова с какой-то своей внутренней картой.

— А кристаллы? — спросил он, наклоняясь ко мне. — Вы можете работать с другими кристаллами, не только с этим?

Я поколебался, затем честно ответил:

— Не пробовал, если честно. — я кивнул на минерал в своей ладони, — Я их до этого и в руках-то не держал.

— Понятно, — пробормотал Вольский, снова начиная ходить по лаборатории. Его шаги эхом отдавались от стен, а тень скользила по стеллажам с колбами и ретортами. — Это не просто талант, Алексей. Это врождённая способность, редкая и крайне ценная.

Он остановился у витрины шкафа, с полок которого на него смотрели лежащие там рядами минералы, и обернулся ко мне с решительным выражением.

— У нас впереди много работы. Нам важно понять пределы ваших возможностей, научиться их контролировать, а затем... — он сделал паузу, словно взвешивая всё им сейчас озвученное, — применить их на благо Империи.

Я сжал кристалл в ладони. Его тепло успокаивало, но в голове роились вопросы. Что ждёт меня дальше? Насколько глубоко мне придётся погрузиться в этот мир тайн и опасностей?

— И что именно вы предлагаете? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Вольский улыбнулся, на этот раз вроде как искренне.

— Для начала следует систематизировать ваши наблюдения. Записывать всё: ощущения, образы, любые аномалии. Затем пойдут эксперименты. Будем тестировать разные материалы, разные условия. Возможно, мы найдём способ усилить вашу способность.

Он вернулся к столу и сел напротив меня, его взгляд был твёрдым и ясным.

— Вы готовы к этому, Алексей? Готовы идти до конца?

Я посмотрел на кристалл, затем на Вольского. В этот момент я понял: вот он мой шанс, с помощью профессора я смогу научиться управлять странной магией этого мира и это непосредственно приблизит меня к моей истинной цели, о которой всем знать вовсе не обязательно. А сейчас, что бы ни ждало меня впереди, я должен узнать правду. Об особенностях местной магии. О кристаллах и их возможностях. И о той игре, в которую невольно оказался втянут, но придётся вести себя так, чтобы никто и не подумал, что мои личные планы могут несколько отличаться, хотя... Видно будет.

— Готов, — ответил я, и в моём голосе прозвучало больше решимости, чем я сам ожидал от себя.

Он снова сел напротив и пристально посмотрел на меня.

— А какой объём силы у вас сейчас? — Он придвинулся ко мне. — Ну, размер внутреннего ядра?

Я уставился на него в полном недоумении.

— В смысле какой? — переспросил я. — Я чувствую только есть силы или нет сил. Когда много работаю, наступает истощение. «Выжженная пустота», как я это называю. А размер... — тут я развёл руками. — Я пока что не совсем понимаю, о чём вы.

Вольский замер, а его лицо вытянулось.

— Подождите, Алексей, — произнёс он медленно, обдумывая мой ответ. — Вы хотите сказать, что не знаете о существовании внутреннего резерва? О том, что у каждого мага есть ядро, которое можно развивать, наполнять, тренировать?

Я покачал головой. В прошлой жизни всё было не так, а теперь я начинаю понимать, почему я не мог серьёзно продвинуться в магических способностях. В голове забрезжило и другое понимание. Я-то уже думал, что моя магия есть просто навык, вроде езды на велосипеде. Чем больше практикуешься, тем лучше получается. А оказывается, и тут есть какая-то система.

— Простите, профессор, — осторожно сказал я. — Но я... я не учился этому. Всё, что умею, я открыл сам, методом проб и ошибок.

Вольский откинулся на спинку стула и уставился в потолок. На его лице боролись изумление, восхищение и, кажется, лёгкий ужас.

— Такие силы, — пробормотал он, — и нахрапом, на коленке, без малейшего понятия о базовых принципах... Да как это вообще возможно?

Он резко наклонился ко мне, впившись взглядом в мои глаза.

— Алексей, что вы вообще знаете о своих возможностях? — Он продолжал бурлить меня взглядом. — И, главное, как с полным отсутствием базы вы сумели достичь того, что сейчас умеете?

Я молчал. Да и что я мог ему ответить? Правду? Что я сильный маг, волею судьбы после своей смерти реинкарнированный в тело подростка в другом мире? И что моя магия, очевидно, побочный эффект переноса сознания?

— Я не знаю, профессор, — ответил я наконец. — Честно. Это просто... есть. Обнаружил в себе странные способности, когда мне было восемь, и то совершенно случайно.

Вольский смотрел на меня долго, очень долго. Потом медленно кивнул.

— Хорошо. Я вам верю. — Он вздохнул. — Значит, нам предстоит огромная работа. Вы даже не представляете, насколько вы уникальны, Алексей. Маг-самоучка, действующий на чистой интуиции, достигший таких результатов... Это феномен. Это...

Он не договорил, но я понял. Это ценный актив для Третьего отделения. Или потенциально опасный враг.

— Итак, — Вольский хлопнул ладонью по столу. — С сегодняшнего дня ваше обучение вступает в новую фазу. Вы будете работать со мной индивидуально. Я расскажу вам о теории, о ядре, о резонансе, о материалах. Вы узнаете, на что способны на самом деле. А взамен...

— Я буду работать на Третье отделение, — закончил я за него.

— Именно. Но не в роли шпиона или сыщика. — Вольский усмехнулся. — Я догадался, о чём вы изначально подумали. Успокойтесь, и забудьте всё, что слышали о нас ранее. Вы будете тем, кем и должны быть: исследователем, инженером, мастером. Просто вам будут поручать задачи поистине государственной важности. Поверьте, совсем скоро вы узнаете очень многое из того, что неизвестно обывателю.

— Договорились, профессор, — вполне уверенно сказал я.

Это будет ходьба по лезвию, но это мой шанс заново обрести себя, стать практически тем, кем я был до перерождения, но надо быть максимально осторожным.

— Вот и славно. — Вольский довольно улыбнулся. — А теперь давайте-ка я покажу вам кое-что интересное. Думаю, этот вечер станет для вас началом совершенно нового пути. — Вольский резко поднялся и направился к шкафу со стеклянными дверцами. Через минуту он вернулся к столу, неся в руках небольшой деревянный ящик, окованный медью. — И приступим прямо сейчас.

Я внутренне усмехнулся. Профессор явно принадлежал к той породе людей, для которых «сделать завтра» было равносильно преступлению, впрочем, мне это даже импонировало.

Он поставил ящик на стол, щёлкнул замочком и откинул крышку. Внутри, в бархатных гнездах, покоились кристаллы, полтора десятка, разных размеров и оттенков. Прозрачные и дымчатые, с вкраплениями и без.

— Смотрите, Данилов, — Вольский взял один из них, небольшой, с мизинец, прозрачный, с едва заметным фиолетовым отливом. — Что вы видите?

— Кристалл, — пожал я плечами. — Кварц, наверное. С примесью чего-то.

— Верно. А теперь закройте глаза и попробуйте его почувствовать. Но не как предмет, а как структуру. Как сгусток некой энергии, если так будет понятнее.

Я послушно закрыл глаза, взяв кристалл в руку. Привычное «глубокое зрение» включилось почти мгновенно, я здорово натренировался в подобной магической диагностике. Кристалл для меня будто засветился изнутри ровным, спокойным светом. Нити внутри него были плотными, уложенными аккуратными ровными слоями, словно страницы книги.

— Чувствую, — сказал я. — Структура равномерная, даже удивительно. И будто светится изнутри, профессор.

— Александр Илларионович, Алексей, — поправил Вольский. — А теперь попробуйте ощутить также себя. Но не отдельно руки, ноги, ни к чему нам подобная детализация, мы не в секционной. Ищите то, что внутри вас, то, что и позволяет вам это чувствовать.

Я сосредоточился. Раньше я не задумывался об этом, просто использовал дар. Но сейчас, когда он попросил...

Сначала ничего не получилось: темнота, пустота, только кристалл в руке пульсирует ровным светом. Я попытался сместить фокус внимания внутрь, помогая себе размеренным, успокаивающим дыханием: медленный вдох, выдох. Ещё раз, и ещё.

И вдруг! Вспышка!

Где-то в глубине, несколько ниже солнечного сплетения, зажглось слабое свечение. Оно было похоже на маленький шар, переливающийся тёплым золотистым светом. Шар пульсировал в такт биению сердца, и от него тянулись тонкие лучики: к рукам, к голове, к каждой клетке моего тела.

— Вижу, — выдохнул я, боясь открыть глаза и спугнуть видение. — Там... шар. Светящийся. В районе живота.

— Отлично! — голос Вольского прозвучал приглушённо, словно издали. — Это и есть ваше ядро, тот самый резервуар силы. У каждого мага он свой: по размеру, по цвету, по плотности. У вас, я погляжу, довольно крупный. И свет чистый, без помутнений.

Я открыл глаза. Вольский смотрел на меня через какой-то странный прибор, напоминавшим астроябию с крупным кристаллом по центру. Вид у него был как у кота, наконец дорвавшегося до хозяйской сметаны.

— А вы, значит, до сегодняшнего дня даже не подозревали о его существовании? — спросил он с лёгкой ноткой недоверия.

Не было смысла рассказывать про источник силы, что был у меня в прошлой жизни. Я чувствовал, что сейчас всё по-другому, но Вольский только что открыл мне глаза.

— Я знал, что силы кончаются, — честно ответил я. — Чувствовал, когда наступает истощение. Но чтобы вот так, визуально... Никогда не пробовал.

— Феноменально, — покачал головой Вольский. — Вы использовали магию, грубо говоря, вслепую. Как если бы человек стрелял из ружья, ни разу не держав его в руках, не зная, сколько у него патронов и как их заряжать.

Я смущённо улыбнулся. Сама магия не была для меня в новинку, но физика данного мира была несколько отличной от привычной мне.

— Ладно, — профессор хлопнул в ладоши. — Теперь второе. Вы когда-нибудь пробовали восстанавливать силы осознанно? Не просто ждать, пока пройдёт усталость, а ускорять процесс?

— Я отдыхал, спал, иногда медитировал, — признался я. — Но помогало слабо, если честно. Поэтому можно сказать, что нет, специально не занимался.

— Плохо, очень плохо. — Вольский погрозил пальцем. — Ядро можно и нужно тренировать, как и мышцы. И восстанавливать его можно быстрее, если знать как.

Он подошёл к окну и указал куда-то в сторону ночного города.

— Видите ли, Алексей, мир пронизан эфирными потоками. Есть места, где они сгущаются, образуя так называемые узлы силы. Там восстановление идёт в разы быстрее. Моя лаборатория как раз такое место, построенное на пересечении трёх силовых линий.

Я вспомнил, как почувствовал лёгкий душевный подъём, даже когда просто сидел на семинаре. Приятное тепло, ясность мыслей. Тогда я списал это на хорошую вентиляцию и отсутствие посторонних шумов

— Что вы самоучка, я, признаться, не предполагал. — сказал Вольский. — Думал, вас кто-то, да натаскал.

— Некому было, — коротко ответил я.

— Теперь есть кому, — усмехнулся профессор. — Давайте-ка, садитесь поудобнее, закрывайте глаза и пробуйте представить, как энергия извне втекает в ваше ядро. Как свет, как вода. Только излишне не напрягайтесь, просто позвольте этому случиться.

Я устроился на стуле поудобнее, и снова закрыл глаза. Опять увидел внутренним взором свой внутренний золотистый шар.

Я представил, как откуда-то сверху, из пространства, льётся мягкий свет. Он проникал сквозь макушку, струился по позвоночнику и медленно вливался в ядро. Шар немедленно отозвался и засветился ещё ярче, словно впитывая этот поток.

— Есть контакт, — пробормотал я.

— Продолжайте. — тихо проговорил профессор. — Минут десять, хотя бы.

Я сидел и впитывал. Ощущение было странное, словно я невидимыми нитями соединился с чем-то большим, чем эта комната, чем даже весь этот город. Где-то на грани восприятия пульсировали эфирные токи, и я позволял им питать меня.

— Достаточно, — голос Вольского вернул меня в реальность. — Откройте глаза. Ну как?

— Необычно, — признался я. — Чувствую... наполнение, что ли.

— Вполне закономерно, — кивнул профессор. — Вы впервые осознанно пополнили резерв. Раньше вы просто ждали, пока ваше ядро восстановится само, пассивно. Это как разница между тем, чтобы стоять под дождём с открытым ртом и пить из родника.

Я засмеялся от подобного сравнения.

— А теперь, — резко прервал меня Александр Илларионович, — на этом мы прервёмся. Я, хоть и не сторонник откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, но вам следует отдохнуть и ещё раз обдумать всё то, что вы сегодня узнали.

Я вышел из уснувшего здания института окрылённым. Сегодня я сделал большой первый шаг к возрождению магических способностей, и я твёрдо намерен идти по этой лестнице дальше, до самой верхней ступени, чего бы мне это ни стоило.

Ключ найден, наставник вызвался сам, а я буду играть роль усердного ученика, но каждый раз буду немного впереди от той точки, на которой меня видят. Уверен, что я справлюсь.

В доме Гороховых царила тишина, нарушаемая лишь тихим необъяснимым поскрипыванием половиц, да всхрапыванием Вячеслава Ивановича, слышным через приоткрытую дверь. До совей комнаты я дошёл беспрепятственно и никем не замеченным.

Не стоит и говорить, что я до полуночи, уже лёжа в своей постели, то и дело обращался к собственному ядру, и поражался, насколько легко было это сделать. Чёрт, и как я сам до этого не дошёл?!

Глава 4

Половина следующего дня пролетела в ожидании вечернего урока от Вольского, лишь после завода я решил ненадолго заскочить к ребятам в кузницу. Но, на пути туда, я, вспомнив кулинарные таланты Сиплого, усмехнулся про себя и свернул с привычного маршрута. Ну и подумаешь, небольшой крюк. Порадую я, пожалуй, бригаду выпечкой от Арины. Во-первых, хлеб у неё первостатейный, а во-вторых, опять парни, пожалуй, с утра с яичницей всё мучное умяли, а после уже клиенты идут, в лавку не убежишь. А в-третьих... да чёрт с ним, просто захотелось к ней зайти.

Арина стояла за прилавком, краснощёкая, в белоснежном переднике и косынке, из-под которой выбивались русые волосы. Увидев меня, она всплеснула руками и заулыбалась так, словно встретила близкого родственника.

— Алексей Митрофанович! — голос у неё был звонкий, как колокольчик, хотя сама она больше походила на матрешку. — Заходите, заходите, дорогой! А я уж думала, вы про нас забыли! Хлебушек только из печи, пышный, румяный, пальчики оближете!

Она только снимала с полки каравай, ещё горячий, покрытый аппетитной корочкой, а у меня уже свело скулы, до того захотелось отломить краюшку.

— Здравствуйте, Арина, — я подошёл к прилавку, вдохнул поглубже этот запах тёплого хлеба, сдобы, корицы и ванили, что окутывал прямо с порога. — Как тут у вас хорошо... Домом, уютно пахнет.

Она засмушалась, ещё больше зарделась и замахала руками:

— Да что вы, батюшка, какое там дом... Пекарня, она и есть пекарня. Мука, дрожжи, да труд, вот и весь секрет. — Но посмотрела на меня с такой теплотой, что мне стало немного не по себе. Слишком уж часто в последнее время я получал от людей благодарность, которую, на мой взгляд, не заслуживал. Ну, или заслуживал, но не в таких количествах.

— Как сами? — спросил я, чтобы сменить тему. — Как Мишка?

При упоминании сына лицо Арины расцвело ещё сильнее.

— Ой, Алексей Митрофанович, спасибо вам! — запричитала она. — Мишка-то мой после вашего разговора сам не свой! Всё про мастерскую вашу спрашивает, всё про механизмы да про станки. Говорит, дядя Алексей сказал, что руками работать надо, но головой ещё больше. И теперь он вечерами сидит, книжки читает! Представляете? Мой-то Мишка, который от букваря шарahalся, как чёрт от ладана, и вдруг за книжки взялся!

Она всплеснула руками, и я невольно улыбнулся. Материнская гордость, она такая.

— А в мастерскую ещё хочет? — спросил я.

— Ой, хочет! — Арина даже присела от волнения. — Да всё боится подойти, думает, что вы, такие важные люди, а он простой парень, с завода... Я ему говорю: ты, дурак, иди, пока зовут, а он мнётся...

— Передай ему, — сказал я, доставая деньги за хлеб, — пусть заходит. Посмотрю, что умеет. Если руки ловкие и голова варит, возьму в подмастерье. Но, сначала в деле на него поглядеть следует.

Арина всплеснула руками уже в который раз, и я испугался, что и она сейчас бросится мне в ноги. К счастью, обошлось, она только схватила мою руку и пожалала её обеими своими мягкими, тёплыми ладонями.

— Спасибо, батюшка! — голос её дрогнул. — Век не забуду! Я ему сегодня вечером скажу, он завтра же прибежит!

— Пусть не завтра, — остановил я её. — Дня через два. У меня сейчас... небольшая запарка. Но ты скажи, я жду.

— Скажу, скажу!

Я взял хлеб, расплатился и вышел. На улице снова вдохнул осенней свежести, и задумался.

— Мишка, — прикидывал я, заворачивая за угол. — Хороший вроде парень, и в мастерской лишние руки не будут, ребята вона уже как зашиваются.

Когда я, наконец, добрался до кузницы, Сиплый всё ещё колдовал у печурки, а Гришка с Митькой уже сидели за столом в ожидании ужина. Моня, уловив запах свежего хлеба, поднял голову и посмотрел на меня с таким выражением, будто я был не просто хозяином, а божеством, сошедшим с небес. Дабы не разочаровывать пса, пришлось право первой краяхи уступить нашему «сторожу».

— Хлеб от Арины, — я положил уже початый каравай на стол. — Ужин будет поистине королевским.

Сиплый довольно крякнул, и принялся нарезать хлеб толстыми ломтями. Я же, присев к столу, только плеснул себе чаю.

— Что-то не так, командир? — забеспокоился Гришка.

— Всё нормально, — отмахнулся я, — просто сейчас ещё одно, важное дело предстоит, негоже перед ним объедаться. А иначе тут и не выйдет, — произнёс я, оглядывая накрытый стол и косясь на Сиплого, что зарделся после моих слов аки спелый помидор. — Ещё одно дело к тебе будет, Григорий.

— Весь во внимании, — торжественно произнёс он, слегка склонив голову и пряча улыбку.

— Отставить смешинки, — строго сказал я и сам чуть не прыснул, — через пару дней парнишка придёт, надо его к делу определить да посмотреть, чего стоит.

— Эва как? — почти в один голос произнесли ребята, глядя на меня.

— Училище будем на базе кузницы делать, — совершенно серьёзно ответил я, — чем мы прочих хуже? — время уже поджимало, поэтому долгую паузу тянуть не стал, — сынишка Арины с пекарни больно работать хочет, а нам уже своих рук ох как не хватает.

Ребята закачали головами, я каждый вечер видел, как они выглядят после рабочего дня. Нет, не дело это, пора увеличивать штат, вот и будет Мишка первой ласточкой. Ну и новый опыт для Григория, но в нём то я уже был уверен.

Между тем я заметил, что он смотрит на меня с какой-то хитринкой, и стало ясно: готовится к какому-то разговору.

— Алексей Митрофанович, — начал он вкрадчивым голосом. — а скажите-ка, насколько мы сейчас свободны? Ну, в смысле, авралов в ближайшее время не планируется? — И заулыбался во весь рот.

Я приподнял брови, Григорий парень деловой, и просто так чесать языком не стал бы. Ну что ж, послушаем, что у него там за проект.

— Авралов у нас, слава Богу, в планах нет, — медленно отвечаю я, потягивая горячий чай из кружки. — Но и они, сам понимаешь, нас не спрашивают, валяются сами, как им вздумается, как снег на голову. Но что за вопрос такой странный? Не иначе как ты нас на дельце какое подбить хочешь?

— Ну, можно и так сказать, — он слегка замялся и почесал затылок. — Тут такое дело... На следующих выходных, на главной площади города, ярмарка ремесленников будет. «Город мастеров» называется. Ну, вы понимаете: на людей посмотреть, себя показать.

Я задумался. Знал конечно, в прежние годы отец и сам ездил, и нас с братом с собой брал. Потом правда отказался, смысла говорит нет, все торговые связи налажены, что зря время терять. Ярмарка дело хорошее, это и знакомства новые, и для репутации опять же полезно. Ну и заказы, хотя в них то мы пока и не нуждались особенно, своё бы сделать. Но время... Времени, как всегда, было в обрез.

— Успеть бы, — подумал я вслух. — Стенд сколотить, витрины...

— А вот это вообще не проблема, Алексей Митрофанович. — Гришка довольно ухмыльнулся. — У меня столяры знакомые есть, мастера отменные. Они нам стенд с витриной за два дня сколотят. И платить не надо, мы с ними по-свойски, по этому самому, — он откашлялся и выдал, — б-а-р-т-е-р-у договоримся: они нам работой, мы им по инструменту поможем. У них там много чего из рабочего подправить нужно. А доски... — он махнул рукой, — доски купим, они потом в хозяйстве всегда пригодятся.

Я улыбнулся, и откуда он такого набрался то тут, в Собачьем-то переулке? Однако, мне определённо с ним повезло: и связи, и бартер, и что ни коснись – везде схвачено. Истинный управляющий, вот и сейчас на пару шагов вперёд продумал.

Митька оторвался от стула, и подошёл к нам, вытирая руки ветошью.

— Ярмарка, говорите? — он прищурился. — А мы там чего выставить-то будем? Замки наши, что ли? Или топоры с лопатами?

— А хоть бы и замки, — Гришка резко развернулся к нему. — Ты сам посмотри: работа у нас кипит, что не сделаем, всё по людям расходуется. Вон, у Женьки та партия петель уже готова, ждёт своего часа. А засовы наши силою Алексея Митрофановича закалённые? Там ворота рассыпятся уже, а засов всё одно держать будет.

Я кивнул, действительно, есть что показать. Замки с секретом, которые ни один вор не вскрыет. Петли кованые, что век служить будут. Засовы, моей же силой и улучшенные. А если ещё всё это правильно подать...

Я смотрел сейчас на мою команду, глаза у них горели. Даже Моня проснулся и сейчас стоял, и вертел головой, переводя взгляд на каждого из нас, словно понимал, о чём идёт речь.

— Уговорили, черти, — со смехом отвечаю я, — участвуем!

— Вот это по-нашему! — Гришка аж подпрыгнул на табуретке. — Я к столярам завтра же с утра схожу и договорюсь, как доски им привезём, так они сразу же и начнут. А сами доски я уже присмотрел, там на складе у Семёна хорошие есть, он нам по знакомству за недорого отдаст.

— Только смотри, — я поднял вверх палец, — чтобы всё чин по чину, без халтуры. Если уж выходить на люди, то лицом.

— Обижаете, Алексей Митрофанович, — Гришка приложил руку к груди. — Я всё понимаю. Мы не просто так, мы ж с душой.

Профессор Вольский встретил меня в лаборатории и сразу перешёл к делу. Он протянул мне продолговатый кристалл цвета морской волны с серебристыми прожилками. Я осторожно взял минерал в руки.

Вольский сразу подался вперёд, глаза его горели.

— А теперь, Алексей, попробуйте представить, как из вас исходит поток энергии, и направьте его в кристалл, который держите в руке. — приказал Александр Илларионович.

Я мысленно «открыл» шар, позволяя свету течь из него наружу. В тот же миг кристалл в моей руке вспыхнул, его серебристые прожилки засияли, словно наполняясь жидким огнём. Я почувствовал, как между мной и минералом возникла связь, как тонкая, но прочная нить, по которой струилась энергия.

— Он отзывается! — сказал я, не скрывая восторга. — Я чувствую, как он впитывает мою силу.

— Прекрасно, — кивнул Вольский. — Теперь попробуйте регулировать поток. Усиьте его, а затем ослабьте. И следите за реакцией кристалла.

Я сосредоточился. Сначала я «усилил» поток, кристалл засиял так ярко, что пришлось прищурить глаза. Затем я медленно ослабил его, и свечение стало приглушённым, почти незаметным.

— Вы молодец, Алексей, — сказал Вольский, и в его голосе звучало неподдельное восхищение. — Вы интуитивно делаете то, на что у других уходят годы тренировок.

Я опустил кристалл на стол, чувствуя лёгкую усталость, но, вместе с тем, и невероятное воодушевление.

— Это... невероятно, — признался я. — Я никогда не думал, что могу управлять своей силой так осознанно.

— А это только начало, — улыбнулся Вольский. — Теперь, когда вы научились ощущать ядро и направлять поток, мы можем переходить к более сложным вещам. Например, к резонансу. Если вы сможете синхронизировать своё ядро с его частотой, вы получите доступ к новым возможностям. Попробуйте.

Я закрыл глаза, вновь сосредоточившись на внутреннем шаре. На этот раз я попытался «подстроиться» под ритм минерала: уловить его вибрацию и совместить её со своей.

Сначала было сложно. Мои ощущения напоминали попытку соединить две мелодии, звучащие в разных тональностях. Но постепенно я начал чувствовать, как вибрации кристалла и моего ядра сливаются в единое целое.

— Получилось! — воскликнул я, ощущая, как по телу пробежала волна тепла. — Я чувствую его как часть себя.

— Великолепно! — Вольский в сердцах хлопнул в ладоши. — Вы только что совершили первый шаг, а это ключ к более глубокому взаимодействию с материалами. Теперь вы можете не просто чувствовать их, но и управлять их силой.

Я посмотрел на кристаллы, лежащие на столе, и внезапно осознал, какие теперь открываются передо мной возможности.

— Что дальше? — спросил я, чувствуя, как внутри разгорается любопытство.

— Дальше, — ответил Вольский, — мы начнём учиться осознанно управлять камнями. Но сначала...

Он поднялся, подошёл к шкафу и достал небольшой сосуд из тёмного стекла, заткнутый пробкой, и тоненькой трубочкой.

— Это настойка из лунного корня, — пояснил он, осторожно откупоривая сосуд. — Не столько магический компонент, сколько мощный стимулятор регенерации эфирных потоков. Выпейте, и это поможет вам улучшить процесс восстановления энергии, раз опыта ещё мало.

Я осторожно пригубил горьковатую жидкость. Во рту сразу разлилось прохладное покалывание, а по телу пробежала лёгкая дрожь, будто от дуновения морозного ветра.

— Теперь закройте глаза, — скомандовал Вольский. — Сосредоточьтесь на своём ядре. Представьте, как ваш золотистый свет становится ярче, как он наполняет каждую клеточку вашего тела. Дышите медленно, в такт пульсации шара.

Я последовал его указаниям, и довольно быстро мой внутренний шар начал разгораться, словно угли, раздуваемые ветром. Тепло распространялось по венам, наполняя меня новой энергией.

— Замечаете? — спросил Вольский, не отрывая от меня пристального взгляда.

— Да, — прошептал я. — Гораздо быстрее, чем было вчера.

— Именно! — профессор хлопнул в ладоши. — Но со временем вы научитесь делать это без стимуляторов.

Я открыл глаза. Мир казался ярче, чётче, а в теле появилась непривычная лёгкость.

— А как долго можно держать ядро в активном состоянии? — поинтересовался я. — И есть ли предел его ёмкости?

Вольский откинулся на спинку стула, явно довольный моим любопытством.

— Отличный вопрос. Ёмкость ядра действительно ограничена, но её можно расширять, как я вчера вам и сказал. Однако есть нюанс: если превысить свой предел, можно получить «пережог», и, как следствие, необратимое повреждение ядра. Поэтому важно чувствовать меру.

— Как же определить эту меру? — его слова меня несколько... взволновали.

— Опыт, Алексей, — улыбнулся он. — И дневник наблюдений. Каждый сеанс работы с кристаллами, каждое упражнение, записывайте. Как чувствовали себя до, в процессе и после, какие ощущения возникали. И совсем скоро вы научитесь считывать сигналы своего тела.

Он достал толстую тетрадь в кожаном переплёте и положил передо мной.

— Вот. Это ваш журнал исследований, приучите себя вести записи, — он назидательно показал пальцем на ещё пустой «манускрипт». — Это поможет и вам, как минимум на первых порах, а впоследствии... Впоследствии может сослужить хорошую службу тем, кто придёт вслед за вами.

— Спасибо, профессор. — Я был совершенно искренен. — Это... невероятно.

— Не благодарите, — отмахнулся он. — Это лишь начало. Теперь слушайте. Если правильно настроить кристалл, он может служить вам постоянным источником силы, — завершил Вольский. — Представьте: вы заряжаете его в узле силы, а потом используете в любой момент, даже там, где эфирные токи слабы, или вовсе отсутствуют.

Я мысленно прикинул возможности. Если это правда, то...

— Получается, кристалл может стать своего рода «запасом на чёрный день»? — уточнил я. — Я заряжаю его, а потом просто подключаюсь, когда нужно?

— Именно так, — кивнул профессор. — Но есть нюансы. Во-первых, каждый кристалл имеет свой предел ёмкости. Вообще-то, есть много факторов, влияющих на это, не будем сейчас тратить на это время. Хотите попробовать? Сейчас вы достаточно наполнены, чтобы провести первичную настройку.

Я кивнул, чувствуя лёгкое волнение.

— Что нужно делать?

— Для начала установите контакт. Возьмите кристалл, закройте глаза (это необязательно, но на первых порах здорово помогает, уменьшая отвлекающие факторы), и ощутите его структуру. Потом представьте, как ваша энергия течёт в него, словно заполняет чашу. Когда почувствуете, что кристалл «принял» достаточно (тогда скорость насыщения замедлится), можете обрывать вашу связь.

Я взял минерал в руку. Он был прохладным, но почти сразу начал нагреваться под моими пальцами. Внутренним взором я увидел его решётку, сложную, с тонкими прожилками, пульсирующими в такт моему дыханию.

Сосредоточившись, я представил поток света, текущий из моего ядра в кристалл. Сначала возникло сопротивление, словно я проталкивался сквозь вязкую среду. Потом слабый щелчок, и минерал будто распахнулся, жадно впитывая энергию.

— Получается, — довольно прошептал я. — Чувствую, как он напитывается энергией.

— Отлично, — подбодрил меня Вольский. — Теперь плавно прерывайте подпитку.

Я сделал всё, как он сказал, и в тот же миг кристалл вспыхнул мягким синеватым светом и снова затих, но теперь в нём ощущалась скрытая мощь, будто спящий зверь, готовый пробудиться по первому моему зову.

— Получилось? — спросил я, не решаясь открыть глаза.

— Более чем, — в голосе профессора звучало удовлетворение. — Посмотрите.

Я разжал ладонь. Кристалл теперь светился изнутри ровным, едва заметным сиянием. Прикоснувшись к нему мысленно, я почувствовал отклик, тоненький, но ощутимый импульс, словно эхо моего собственного ядра.

— Теперь попробуйте запросить силу обратно, — предложил Вольский. — Просто представьте, что вы тянете поток из него.

Я сосредоточился на кристалле, и снова мысленно потянулся к нему. И тут же ощутил входящий поток, вливающийся в моё ядро. Это было похоже на глоток прохладной воды в жаркий день: мгновенно освежало, восстанавливало и наполняло.

— Невероятно, — выдохнул я. — Он действительно отдаёт силу!

— И будет делать это снова и снова, пока не исчерпает полностью свой запас, — подтвердил профессор. — Главное не забывайте подзаряжать его в узлах силы. А со временем вы научитесь чувствовать, когда он пустеет.

Я сжал кристалл в кулаке, ощущая его тепло. В голове уже роились идеи, как это можно использовать.

— А можно настроить несколько кристаллов? — озвучил я пронзившую меня мысль. — Чтобы они работали в связке?

— Можно. — Вольский довольно улыбнулся. — И даже нужно. Опытные маги так и делают: один кристалл служит для быстрой подпитки, другой отложен для сложных ритуалов, третий, вообще, как аварийный резерв. Но это уже следующий уровень. К слову, потому они и любят предметы, инкрустированные камнями. Так легче, не привлекая особого к себе внимания, иметь под рукой достаточный запас магических сил. Теперь попробуйте сформировать связь. Представьте, что кристалл не отдельный предмет, а продолжение вас. Что он становится частью вашего тела, вашим дополнительным органом.

Я закрыл глаза плотнее, углубляя концентрацию. В воображении кристалл сливался с моей рукой, его грани растворялись, а энергия текла уже не в него, а через него, как кровь по сосудам.

Внезапно я ощутил щелчок, будто замкнулась невидимая цепь. Кристалл дрогнул в ладони, и я почувствовал странное единство.

— Получилось, — выдохнул я, не открывая глаз. — Я чувствую его как часть себя.

— Отлично, — в голосе профессора прозвучало удовлетворение. — А теперь разорвите контакт, — велел Вольский. — Но не полностью. Оставьте тонкую нить связи, чтобы в любой момент вы могли снова подключиться к кристаллу.

Я мысленно ослабил поток, позволяя энергии отступить, но не обрывая нити. Кристалл перестал светиться, но я всё ещё чувствовал его присутствие, хоть и отдалённое, но всё равно явное. Это было похоже на ощущение руки, онемевшей после долгого сна: она есть, она рядом, но пока не готова действовать.

— Поражает, — задумчиво произнёс профессор. — Тогда давайте так, возьмите из того мешка в углу на несколько пригоршней глины.

Достав кусок насыщенно-синей субстанции из указанного места, я вернулся к столу. Вольский уже разложил инструменты: тонкие медные иглы, пузырёк с лунным корнем и тот самый кристалл, что я только что наполнил своей энергией.

— Сначала подготовьте материал, — начал профессор. — Синяя глина хороша тем, что легко принимает и удерживает эфирную структуру. Разминайте её, пока не почувствуете тепло. А, хотя, вам это, пожалуй, и без меня известно.

Я принялся разминать глину в ладонях. Она стала податливой, постепенно теплела, становилась мягче, словно пробуждаясь от долгого сна. В воздухе появился лёгкий аромат влажной земли и озона.

— Хорошо, — кивнул Вольский. — Теперь сделайте углубление в центре. Сюда мы поместим кристалл. Но прежде...

Он взял медную иглу, окунул её в настойку лунного корня и аккуратно прочертил на поверхности глины сложный узор, некое переплетение спиралей и ромбов.

— Это схема резонатора. Она поможет кристаллу закрепиться в структуре материала. — пояснил профессор. — А теперь ваш ход.

Я положил кристалл в углубление. Он тут же засветился чуть ярче, словно узнал «свой» материал.

— Соединяйте, — скомандовал профессор. — Представьте, как энергия из кристалла растекается по глине, как нити прорастают в её структуру.

Я закрыл глаза, сосредоточился. Увидел внутренним взором, как золотистое свечение из ядра тянется к кристаллу, а уже оттуда тонкими ручейками проникает в глину. Сначала было небольшое сопротивление, материал словно отталкивал чужеродную силу. Но постепенно узор, начертанный иглой, начал светиться, принимая энергию.

— Теперь закрепите связь, — голос Вольского звучал где-то на периферии сознания. — Впечатайте свою силу и волю.

Я, насколько смог понять и сделать, произвёл указанное действие, и в тот же миг кристалл полностью погрузился в глину, а поверхность материала засветилась мягким синим светом, повторяя узор резонатора.

— Откройте глаза, — велел профессор.

Я посмотрел на свою работу. Глина теперь пульсировала ровным светом, а в её центре едва заметно мерцал кристалл, словно сердце, бьющееся в груди живого существа.

— Получилось? — прошептал я.

— Более чем, — Вольский склонился над образцом, внимательно изучая свечение. — Смотрите: энергия равномерно распределяется по структуре. Это уже не просто кусок глины с кристаллом, это зачаток автонома. Теперь вы можете...

Он не успел закончить. Глина в моей руке вдруг зашевелилась. Медленно, неуверенно, но вполне осознанно она начала менять форму, вытягиваясь, принимая очертания... кисти руки?

Я замер, боясь пошевелиться. Вольский тоже застыл, широко раскрыв глаза.

— Алексей... вы это контролируете?

Действительно, я чувствовал связь. Не просто энергетическую нить, а полноценное взаимодействие. Я мог думать за эту материю, направлять её движения.

— Да, — выдохнул я. — Я чувствую её. Как будто это моя рука, только... другая.

Я мысленно приказал материалу согнуться в кулак, и глина послушно выполнила команду. Потом разогнулась, повинувшись моему приказу.

— Невероятно, — прошептал профессор. — Вы сделали это без предварительной подготовки, с первого раза...

— Но как? — я всё ещё не мог поверить. — Почему раньше у меня не получалось?

— Потому что раньше вы пытались заставить материал жить своей силой, — пояснил Вольский. — А теперь вы дали ему собственный источник энергии, собственный «мозг». Кристалл стал сердцем, а узор его нервной системой. Это и есть настоящее искусство создания автономов.

— Големов, — машинально исправил его я, и сразу осёкся.

— Как, как? — переспросил профессор, — а ведь и правда, подходит. Как я и сам не вспомнил это мифологическое создание?

— Что дальше? — спросил я, чувствуя, как меня переполняют эмоции.

— Дальше, — улыбнулся профессор, — мы будем учиться контролировать это взаимодействие. Создавать более сложные формы, задавать чёткие команды, развивать устойчивость конструкции. И, конечно же, учиться ею управлять.

Я кивнул, всё ещё не отрывая взгляда от светящейся глины. Где-то в глубинах разума мне уже виделся новый Феликс, повторяющий каждое моё движение волею мысли...

Профессор взглянул на часы и произнёс:

— На сегодня достаточно. Вы отлично справились, студент Данилов. Но помните: чем мощнее инструмент, тем осторожнее с ним надо обращаться. Не пытайтесь сразу заряжать десятки кристаллов, это может истощить вас быстрее, чем вы думаете.

Я кивнул, всё ещё ощущая лёгкую эйфорию от нового открытия.

— Спасибо, профессор. Это буквально... меняет всё.

— Ещё бы, — усмехнулся он. — Магия не волшебство, Алексей. Это та же научная система, и вы только что освоили один из её ключевых механизмов. Завтра продолжим. Есть ещё многое, о чём вам стоит узнать.

Я вышел от профессора с головой, полной новых знаний, и с непривычной лёгкостью в теле. Урок по слиянию кристалла с глиной дался легче, чем я ожидал, словно инициация распахнула какие-то внутренние двери. Но вместо того, чтобы сразу идти в дом, ноги сами свернули к флигелю. Я отпер дверь, и она поддалась с протяжным стоном. В этот раз я мог за это уже не переживать.

Внутри было всё также порушено и уныло. Лунный свет пробивался сквозь мутные стёкла, рисуя на полу бледные прямоугольники. Я прошёлся по комнатам, мысленно прикидывая, что где разместить. Вот здесь будет мастерская, тут — жилая комната, а вон тот угол хорошо бы приспособить под кладовую. Ноги сами остановились у стены, за которой, как я помнил, скрывалась лестница в подвал.

— Эту стену не трогать, — сказал я вслух. — Зарубка в памяти номер один.

Потом подошёл к камину и нащупал пальцами ту самую кнопку, скрытый механизм, открывающий потайной ход.

— И это лучше не трогать, — добавил я. — Зарубка номер два.

Света от луны было катастрофически мало. Я уже собрался уходить, чтобы вернуться завтра при свете дня, как вдруг взгляд упал на небольшой столик в углу. На нём стояла лампа, простая, керосиновая, с закопчённым стеклом. Та самая, которую я оставил здесь при первом визите и забыл забрать.

Я чиркнул спичкой, поднёс к фитилю. Огонёк занялся не сразу, пару раз погас, но потом разгорелся ровным тёплым светом. Лампа осветила комнату мягко и уютно, и я вдруг почувствовал странный импульс: «Спуститься в подвал».

Не раздумывая, я подошёл к камину, нажал на кнопку, и потайная дверь бесшумно отъехала в сторону, открывая тёмный зев лестницы. Лампа отбрасывала пляшущие тени на каменные стены, и в этом свете лаборатория прадеда Тани казалась ещё более загадочной, чем в прошлый визит.

Я спустился, и поднял лампу повыше, оглядываясь. Столы с приборами, полки с книгами, в углу стеллажи. И вдруг я почувствовал то самое знакомое ощущение, которое испытывал в лаборатории Вольского. Лёгкое покалывание в кончиках пальцев, едва уловимая вибрация в воздухе, словно здесь, в этом старом подвале, кто-то невидимый держит руку на пульсе.

Я замер, прислушиваясь к себе. Да, так и есть, здесь также присутствовал узел силы, пусть и не такой мощный, что у Вольского.

Я открыл глаза и усмехнулся.

— Вот это подарок.

Я снова обвёл взглядом лабораторию. Теперь это место становилось ещё важнее для меня, и чем быстрее я сюда перееду, тем лучше.

Я уже направился к лестнице, как вдруг вспомнил Гришкины слова, сказанные им в кузнице: «У меня столяры знакомые, мастера — закачаешься. Они нам стенд с витриной за два дня сколотят...»

Я остановился, и улыбнулся своим мыслям.

— Что там Гриша говорил про строителей с золотыми руками? — произнёс я вслух, мои слова гулко прозвучали в каменных сводах.

Похоже, ремонт во флигеле, это тот самый случай, когда знакомства и бартер пригодятся как никогда. Завтра же поговорю с Григорием. Пусть ищет своих столяров, плотников, кого там ещё нужно. Если они и правда такие мастера, как он хвалится, то флигель заиграет новой жизнью даже быстрее, чем я думал.

Глава 5

Следующие несколько дней слились для меня в единый вихрь событий, где одно мгновение сменяло другое с головокружительной скоростью. Дни и ночи переплетались, словно нити в сложном узоре, и я уже не мог точно сказать, где заканчивается один день и начинается другой. Университет, завод, кузница, и, словно самый яркий камень в этом разноцветном калейдоскопе, индивидуальные занятия с профессором Вольским.

Я поднимался с постели ещё затемно, а засыпал далеко за полночь, измученный и выжатый как лимон. И единственным неизменным оставалось то гнетущее чувство, что я успеваю лишь половину из намеченного.

— Кто бы мог подумать, — думал я про себя с горькой иронией, — что быть реинкарнированным магом в новом мире, это тот ещё тяжкий труд. Просто я жадный до жизни, хочу всё и сразу, да ещё как можно быстрее.

В университете я, к своему полнейшему разочарованию, получал ничтожно мало новой информации. Преподаватели монотонно читали лекции о вещах, которые я изучил ещё в прошлой жизни, да у отца в усадьбе времени зря не терял. Сидя на галёрке, я делал вид, что конспектирую, а сам в уме прокручивал чертежи будущего голема и схемы эфирных резонаторов, фиксируя важные моменты в тетради вместо лекции.

— Скорей бы следующий курс, что ли, — бормотал я себе под нос, ловя на себе недоуменные взгляды соседей по аудитории.

Посещаемость моя, впрочем, оставляла желать лучшего, и напоминание на плакате у входа о конкурсе на лучшее изобретение не давало расслабиться. Нужно было что-то срочно придумывать, чтобы не вылететь за прогулы, но времени на это катастрофически не хватало.

Зато, в отличие от университетских учителей, профессор Вольский загружал меня по полной программе, и его индивидуальные занятия стали глотком свежего воздуха в душном мире академической рутины. В его лаборатории, заставленной причудливыми приборами и мерцающими кристаллами, он с горящими глазами объяснял тонкости эфирных взаимодействий.

— Поразительно, Алексей! — восклицал он, потирая руки, когда у меня получалось особенно сложное задание. — Вы схватываете на лету то, на что моим лучшим студентам требуются недели, а то и месяцы!

Профессор, казалось, был искренне изумлён моими успехами. В последнее время я его просто не узнавал, он радовался моим победам как ребёнок, вскакивал, хлопал в ладоши и требовал повторить эксперимент, чтобы убедиться, что ему не померещилось. Никогда бы не подумал за ним такого.

“Эх, если бы встретить такого наставника раньше, - глядя на него, думал я. — Сколько времени потеряно впустую”.

Но, как говорится, нет худа без добра, и я теперь наверстывал упущенное семимильными шагами. Выкроить свободный вечер для Анны было абсолютно невозможно. Но, как оказалось, проводить время вместе можно не только по вечерам.

Совместные перерывы и, главное, обеды давали нам возможность хотя бы ненадолго побыть вдвоём. Мы сидели в университетской столовой, пили свежесваренный кофе из буфета и говорили обо всём на свете: о книгах, преподавателях, студенческих сплетнях.

Она смеялась моим шуткам, а я ловил себя на мысли, что могу смотреть на неё бесконечно долго. В эти моменты усталость отступала, словно её и не было.

Я пока не рассказывал ей всей правды, вернее, она не знала никакой правды. Не из-за недоверия, наоборот, мне казалось, что мы знакомы уже целую вечность, и я доверял Анне больше, чем многим, кого знал годами прежде. Просто такую историю не расскажешь между

чаем и пирожком: «Здравствуй, я из другого мира, там погиб, но возродился тут. Ах да, и ещё у меня есть магические способности».

Анна чувствовала, что я что-то скрываю, но не настаивала, поэтому серьёзный разговор я решил отложить до лучших времён. Вот только когда они наступят, я не имел ни малейшего представления.

В один из дней, выходя от Вольского после изнурительного, но невероятно продуктивного занятия, я буквально столкнулся в дверях с Елизаветой Романовой. Мы едва не сшибли друг друга с ног.

Подняв глаза, я замер. Та самая поразительная девушка с первого посещения лаборатории. Кстати, на семинары Вольского я больше не ходил, профессор сам сказал, что для меня это пустая трата времени.

— Ты уже перерос этот уровень, Алексей, — заявил он с довольной улыбкой. — Приходи теперь индивидуально.

Анну это известие немало удивило. Она не понимала, чем я заслужил такое особое отношение, но я не мог раскрыть ей правду, во всяком случае, не сейчас.

И вот теперь Лиза снова стояла передо мной, и мир словно потерял краски, сосредоточившись только на ней. Её тёмно-синие глаза с металлическим отливом смотрели на меня с какой-то особенной поволокой, и я чувствовал, как внутри разливается странное томление, хотя я уже решил для себя, что нет смысла к ней стремиться.

— Алексей, — произнесла она низким, бархатистым голосом, от которого у меня едва не подкосились ноги, чёртов молодой организм, напичканный гормонами под завязку.

Я открыл рот, чтобы ответить, но не смог выдать ни слова, так и стоял как вкопанный, не в силах отвести от неё взгляд. Сердце колотилось с такой силой, будто готово было выскочить из груди. В ушах шумела кровь, а мысли спутались в клубок. В какой-то момент от своей реакции даже самому неприятно стало.

— Алексей? — повторила она, чуть склонив голову набок, казалось глядя в самую мою душу.

В этот момент время словно остановилось. Весь мир вокруг растворился, оставив только её завораживающий образ и я уже не в силах был сопротивляться, но всё же сжал волю в кулак и медленно глубоко вдохнул.

Внезапно резкий голос Вольского разорвал эти оковы наваждения.

— Елизавета! — профессор окликнул её из глубины лаборатории. — Прекращай!

Словно ушат ледяной воды окатил меня с головы до ног. Наваждение рассеялось, оставив после себя лёгкое головокружение и странную пустоту в груди.

— Что происходит? — невольно вырвалось у меня.

Вольский усмехнулся и жестом поманил нас обоих к себе.

— Подойдите-ка сюда, — произнёс он тоном, не терпящим возражений.

Мы приблизились. Елизавета встала рядом, и я с удивлением заметил, что теперь, когда её взгляд больше не держал меня в плену, я могу смотреть на неё совершенно спокойно. Да, она была красива, это несомненно. Но то сверхъестественное притяжение исчезло без следа.

— Елизавета, знакомься, Алексей, — начал Вольский, внимательно наблюдая за нашей реакцией.

— Мы уже встречались, — спокойно ответила она, и на этот раз её голос не вызвал во мне прежнего трепета. — Ещё на первом семинаре.

— И всё же, — профессор указал на меня рукой, — Алексей теперь входит в нашу избранную группу одарённых.

Елизавета бросила на меня удивлённый взгляд, а я позволил себе лёгкую победную улыбку.

— У Елизаветы тоже есть дар, — продолжил Вольский, — но совершенно иного рода, ментального характера. Вы, Алексей, несомненно, ощутили его действие на себе. Прошу прощения, молодой человек, что не предупредил вас заранее. Иногда она делает это неосознанно, особенно когда замечает что-то... особенное.

Профессор хитро посмотрел на Лизу, и та слегка покраснела, но промолчала, опустив глаза.

Я быстро попрощался и буквально вылетел из лаборатории. В голове крутились обрывки мыслей, эмоций и новых вопросов.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — думал я, стремительно спускаясь по лестнице. — Так вот в чём дело! Не моя взбалмошная натура, не внезапная страсть с первого взгляда, а самый настоящий ментальный дар. Как я воздействую на структуру материалов, так она воздействует на струны человеческой души. Или не души? Скорее, тела? Впрочем, сейчас это не столь важно.

Осознание истинной причины моего странного состояния принесло облегчение, но одновременно и тревогу.

— Нужно будет расспросить Бежицкого, — решил я, выходя на улицу и жадно вдыхая свежий вечерний воздух. — Может, существует какое-то противоядие от подобных ментальных воздействий? Наверняка у него найдётся трактат и на этот случай.

Я представил себе библиотеку Аристарха, заваленную древними фолиантами, и невольно улыбнулся. Уж кто-кто, а этот старый книжник точно должен знать, как защитить разум от постороннего вмешательства.

А пока... Калейдоскоп событий не ждал.

Несмотря на бешеный график, я выкраивал время для кузницы с упорством, достойным лучшего применения. Каждый день, даже если на час, я забегал в Собачий переулок, чтобы проверить, как идут дела, перекинуться парой фраз с Гришкой, потрепать Моню за ухом и просто вдохнуть этот ни с чем не сравнимый запах, эту смесь металла, угля и вдохновения.

В один из таких дней, когда за окном моросил нудный осенний дождь, а в кузнице было тепло и уютно от разогретого горна, я решил уделить внимание продукции, которую мы планировали представить на ярмарке.

— Гриш, а где наши заготовки? — спросил я, скидывая промокшее пальто на деревянную лавку.

— Так вон, на верстаке, — кивнул он в угол. — Всё как вы велели: замки, петли, задвижки. По три десятка каждого вида. Мастера работали не покладая рук. Ну и отдельно, конечно, топоры, как и велено, всех мастей. Только сегодня насадил, кстати, топорщица тех самых ребят.

Я подошёл к верстаку. На грубо оструганных досках аккуратными рядками лежали плоды трудов моей маленькой команды. Всё это было сделано добротнo. Но для ярмарки нужно не просто добротнo. Нужно так, чтобы покупатель, взяв в руки нашу вещь, сразу понял: это не ширпотреб с городского рынка. Это вещь, которая переживёт своего владельца.

Я провёл ладонью по холодному металлу самого большого замка, прикрыл глаза и начал.

Это трудно объяснить тому, кто никогда не чувствовал мой дар. Это было сродни настройке музыкального инструмента, только вместо струн была молекулярная решётка металла, а вместо камертона моя собственная воля.

Я впускал в себя окружающее пространство, чувствуя каждую заклёпку, каждый изгиб, каждую микроскопическую неровность. А потом начинал «лечить».

Там, где металл мог дать трещину под нагрузкой, там, где трение со временем сточило бы движущиеся части, я уплотнял структуру, создавая буквально вечный металл. Я усиливал пружины, оттачивал зубцы шестерёнок, делал невидимое глазу, но осязаемое в работе.

Проходя вдоль верстака, я касался каждого изделия. Замок за замком, петля за петлёй. Со стороны могло показаться, что я просто глажу железки. Гришка, впрочем, уже привык к моим способностям. Он сидел в углу, играя с Моноклем, и только изредка косился в мою сторону.

— Всё, — выдохнул я минут через сорок, когда самая последняя задвижка получила свою порцию улучшений. — Теперь это товар.

— А что с ними не так было? — осторожно поинтересовался Гришка.

— Всё так, — усмехнулся я. — Просто теперь будет ещё лучше.

Я провёл пальцем по дужке замка. Металл отозвался едва уловимой вибрацией, будто живой. На самом деле так оно и было, я словно вдохнул в каждую вещь крошечную, микроскопическую частицу жизни. Недостаточно, чтобы она начала двигаться или думать, но достаточно, чтобы она служила дольше, чем положено природой.

Пусть конкуренты кусают локти. Мои вещи прослужат дольше, чем их владельцы.

“Хорошо бы ещё заранее придумать, как объяснить такой феномен, если кто из особо дотошных покупателей начнёт задавать вопросы. — подумал я. — Секрет фирмы, особая закалка, дедовский метод, что-нибудь в этом направлении. Главное, что на ярмарке мы будем не просто мальчишками для битья, а серьёзными игроками”.

Когда я закончил, Гришка подошёл ближе, покрутил в руках один из замков, покачал головой.

— Слушайте, Алексей Митрофанович, — начал он, понизив голос. — Я насчёт вашего флигеля думал. Мастеров-столяров и плотников сейчас лучше не дёргать.

— Это почему?

— А куда им? — Гришка развёл руками. — У них самая горячая пора перед ярмаркой. Все, кто лавки держат, на торг собираются, столы переделывают, витрины чинят. Мастерские люди сейчас на вес золота. Если мы сейчас к ним сунемся, или откажут, или цену заломят втридорога. А сразу после ярмарки, когда народ отдохнёт и денежки подсчитает, можно и поторговаться. Я сам с ними перетру, по-свойски.

Я задумался, в словах Гришки была железная логика. Флигель, доставшийся мне от дяди Вячеслава в обмен на прощение долга, никуда не денется. А вот репутацию на ярмарке мы создаём сейчас.

— Добро, — кивнул я. — Флигель подождёт какое-то время. Тем более что...

Я запнулся, чувствуя, как внутри зашевелилось знакомое, нетерпеливое предвкушение.

— Что? — Гришка насторожился. Он уже научился читать мои паузы, словно опытный следопыт следы на снегу.

— Увидишь, — я позволил себе загадочную улыбку, от которой Гришка всегда напрягался. — Совсем скоро, если не боишься, конечно.

— Я? — помощник хмыкнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на опаску. — Да я ничего... А чего бояться-то?

— Скоро узнаешь, — я хлопнул его по плечу. — А пока пойду-ка я в подвале поработаю.

Гришка посмотрел на меня с явным сомнением, но спорить не стал, слишком хорошо знал мой характер.

Я спустился по крепкой лестнице вниз и присел на деревянный ящик, чувствуя, как внутри нарастает то самое нетерпеливое желание, которое не давало мне покоя последние дни. Желание попробовать снова. Сделать то, что не получилось с Феликсом тогда.

Новоприобретённая магия слияния. Создание настоящего, работающего голема.

В углу, где хранились мои запасы, уже ждали материалы: два мешка синей глины от Колчина, металлические детали: прутья, полосы, готовые шарниры из старых запасов. В отдель-

ной шкатулке лежали кристаллы-проводники, готовые выполнить свою роль в предстоящем эксперименте.

— Значит, так, — пробормотал я, разминая пальцы. — Лепим зверушку.

Скульптор из меня был, прямо скажем, неважный. Да, я и в прошлой жизни проектировал живые механизмы, а не создавал художественные образы, но здесь и сейчас приходилось осваивать и это ремесло.

Я взял кусок глины, смочил руки водой из ведра и начал работу, погружаясь в процесс с головой. Пальцы скользили по податливому материалу, словно вспоминая давно забытые движения. Сначала каркас. Металлические прутья я согнул, придавая им форму позвоночника и рёбер. Металл послушно поддавался моим рукам, будто знал своё предназначение. Потом ноги, длинные и тонкие, как у Монькиного щенячьего тела. Потом голова.

И вот с головой вышло особенно коряво. Я пытался придать ей сходство с собакой, но получалось нечто среднее между волком, медведем и плодом больного воображения.

— Ну да ладно, — подумал я, — главное же не внешность, а суть. Скульпторов тут нету, есть только один маг-инженер.

Часа через полтора передо мной стояло нечто, отдалённо напоминающее Моню. Будь Моня собран из металлолома и глины пьяным кузнецом в тёмном подвале. Я оглядел своё творение со всех сторон и хмыкнул.

— Назовём тебя Големособаккой, — решил я. — Или просто Галя. Для краткости.

В специальное углубление в голове, а я решил поэкспериментировать и вставил кристалл не в грудь, как планировал изначально, а прямо в череп, я поместил один из подготовленных обсидиановых осколков. Он сел плотно, как влитой, словно был создан именно для этого места.

Оставалось самое главное, оживить эту конструкцию.

Я отошёл на шаг, прикрыл глаза и начал концентрироваться. Ритуал был мне уже знаком, мы несколько раз отработывали его с Вольским. Теория, практика, снова теория, снова практика. Профессор гонял меня по всем аспектам, пока каждый жест, каждое движение воли не стало отскакивать от зубов.

Сначала я почувствовал глину. Она отозвалась привычным теплом, мягкостью, податливостью. Потом металл, такой холодный, но послушный, готовый принять мою волю. Потом кристалл, что пульсировал ровно и спокойно.

Я впустил в себя эфирные потоки, невидимые обычному глазу, но пронизывающие всё вокруг. Я направлял их, закручивал в спирали, вплетал в глину, в металл, в кристалл.

— Давай, — прошептал я. — Просыпайся.

Тишина. На миг мне показалось, что ничего не выйдет, что я снова переоценил свои силы, что глина слишком сырая, металл слишком железный или что кристалл подобран неправильно, но...

Глазницы голема внезапно начали светиться. Тонкие, едва заметные лучики света брызнули из пустых впадин, осветив небольшую часть стены перед собой призрачным голубоватым сиянием. Галя шевельнулся. Дёрнул головой, повёл ею из стороны в сторону, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Я замер, боясь дышать. Галя сделал шаг, неуклюжий, тяжёлый. Потом второй. Потом третий. Он повернул голову в мою сторону, и лучи из глазниц упёрлись мне прямо в лицо.

— Ну здравствуй, — тихо произнёс я. — Добро пожаловать в команду.

В груди бурлила смесь восторга, усталости и гордости. Получилось! Пусть уродливо, пусть неуклюже, пусть голова сидит на плечах кривовато, а ноги слегка подкашиваются, но получилось!

Я создал жизнь. Настоящую, пусть и искусственную. Я дал этому миру то, чего в нём не было минуту назад.

— Матерь божья... — раздался за спиной тихий голос.

Гришка стоял на лестнице, в его глазах читался немой ужас. Я даже не заметил, когда он появился, видимо, услышал шум и не утерпел, спустился. Лицо у него было белое, как снег, глаза были вытарашены, а руки мелко тряслись.

— Ты чего? — удивился я. — Я тебя даже не услышал.

— Да я выручку спустился убрать, — выдохнул Гришка, не сводя взгляда с голема. — А тут такое...

— Это Галя, — представил я. — Наш новый сторож.

— Галя... — повторил Гришка севшим голосом. — Она... оно... живое?

— Живее многих, — я хлопнул голема по глиняному боку. Тот слегка покачнулся, но устоял. — Не бойся, своих не трогает. Правда, Галя?

Голем моргнул, точнее, свет в глазницах на секунду погас и зажёгся снова. Я решил считать это знаком согласия.

Гришка перекрестился, и пробормотал что-то невразумительное. С трудом достав это создание из подвала, я осознал, что у нашего нового «сотрудника» есть одна существенная особенность. Не недостаток, а так, скорее, специфическая черта.

Днём, когда мастерская работала в обычном режиме и народ постоянно толкался туда-сюда, держать его на виду было решительно невозможно. Представьте: заходит солидный заказчик обсудить партию товара, а на него из угла светятся два голубых глаза и шевелится глиняная морда. Я думаю, в лучшем случае он бы просто выбежал на улицу и больше никогда не появился. В худшем, заработал бы инфаркт прямо на месте.

— Придётся тебе, дружище, в ящике сидеть, — сказал я Голе, указывая на сколоченный Митькой здоровенный деревянный короб. — До вечера.

Галя, кажется, не обиделся. Он послушно забрался внутрь и затих. Я накрыл ящик мешковиной, оставив небольшую щель для воздуха, хотя воздух ему и был без надобности, но привычка дело такое.

Зато вечером в кузнице начиналось настоящее представление.

Стоило мне снять мешковину и открыть ящик, как Галя выбирался наружу и начинал своё патрулирование. Мерным шагом, не быстро, но неуклонно он обходил помещение по периметру, заглядывая во все углы, останавливаясь у дверей, прислушиваясь, вернее, делая вид, что прислушивается, к ночным звукам.

Моня сначала отнёсся к нему с подозрением. Ещё бы, какая-то глиняная скотина шастает по его территории. Но уже через пару дней они как-то поладили и даже играли. Вернее, играл Моня. Он носился вокруг Гали кругами, залиристо лаял, пытался подначить того, но голем оставался невозмутим. У него были другие задачи.

Я сидел на лавке, пил чай и наблюдал за этой парой.

— Гриш, ты только посмотри, — кивнул я на Галю, который замер у окна, подсвечивая улицу голубоватым сиянием. — Не спит, не ест, не устаёт. И не боится. А даже если в него кто стрельнёт или топором ударит, ему хоть бы хны.

— А какой-то особой пищи ваше детище требует? — осторожно поинтересовался Гришка.

— Требует, — кивнул я. — Но нечасто. И не так, чтоб сложно, но мне придётся периодически подпитывать его и, ясное дело, не колбасой или щами.

Я посмотрел на тёмные переулки за окном, где мог прятаться кто угодно: от пьяных головорезов Хромого до профессиональных «гостей» с дорогими папиросами. Теперь они не застанут нас врасплох. Теперь у нас есть Галя.

“Добро пожаловать теперь к нам в гости, господа хорошие, — мысленно усмехнулся я. — Только предупреждаю заранее: экскурсии не проводятся, сувениры не выдаются, а обратно могут вернуться не все”.

Я допил чай, потрепал Моню за ухом и отправился домой. Только ночи у меня были не заняты и относительно спокойны.

Глава 6

Утро, встретившее меня не тёплыми солнечными лучами, а противной и мелкой моросью, постепенно «исправлялось». И теперь туман стелился по булыжной мостовой, съедая очертания домов и делая привычный город зыбким и чужим.

Я сидел на облучке телеги, рядом с Гришкой, в который раз за последний час прокручивая в голове план на сегодня. Ярмарка «Город мастеров» была не просто базаром, куда съезжается вся Тульская губерния. Это была витрина, смотр для каждого мастерового, где репутация (а с ней и доход) могли как резко подскочить, так и разбиться вдребезги.

Площадь перед собором предстала перед нами во всей своей многоликой красе, едва мы миновали арку Старых торговых рядов. Она не просто шумела, а именно что гудела, как растревоженный улей, куда засунули палку.

Ряды сколоченных наспех, но крепких дощатых лавок и палаток тянулись вдоль соборной ограды, забирали влево, к реке, и уходили вправо, теряясь в переулках. Над всем этим великолепием стоял пар, смешанный с запахами, от которых у нормального человека голова могла пойти кругом, а у голодного заставить броситься к ближайшей лавке с продуктами.

Мелькали праздничные платки, картузы, котелки, форменные фуражки приказчиков. Где-то надсадно кричал зазывала, расхваливая глиняные свистульки: «Купи птичку-свиристель, будет светлым новый день!». Рядом, перекрывая его, зычный бас завлекал к оружейникам: «Стволы тульские ладные, на всю Россию знатные!»

Мы пробирались в кузнечный ряд. Гришка правил лошадьё с таким видом, будто всю жизнь только и делал, что возил товар по ярмаркам. Парни: Митька, Женька и Сиплый, сидели сзади на ящиках с товаром, тихо переругиваясь и пытаясь разглядеть знакомые лица в толпе.

Наш стенд нашли сразу. Столяра, как и обещал Гришка, постарались на славу. Да и место оказалось на удивление бойким, аккурат на пересечении двух проходов. Соседями справа оказались старики-кузнецы из Заречья, разложившие топоры и подковы, а слева стоял бойкий парень с самоварами, начищенными до такой степени, что в них, как в зеркало, глядеться можно было.

— Ну, Алексей Митрофанович, как вам? — Гришка спрыгнул с облучка и с гордостью обвёл рукой строение, над которым и они с ребятами корпели последние дни. — Не стыдно будет перед людьми?

Я оглядел стенд. И правда, ладно сколотили. Высокий, чуть наклонный прилавок из свежих досок, пахнувших смолой. За ним стояли удобные стеллажи, где ребята разложили коробки с нашими изделиями. По центру находилась хитроумная вращающаяся конструкция, придуманная Митькой: на ней были закреплены петли, задвижки, небольшие замки. Подходи, крути, смотри с любой стороны. С краю поставили основательный верстак с тисками, в круг разложили необходимый инструмент, но не для красоты, а для дела. Если потребуется показать, отремонтировать или подогнать что, всё будет под рукой.

— Достоинно, Григорий. — Я хлопнул его по плечу. — С такими хоромами не только торговать, самого генерал-губернатора встречать можно.

Я отошёл в сторону, чтобы оценить общую картину. Народ прибывал. Уже не одинокие прохожие гуляли по рядам, а целые семьи, компании, солидные купцы с приказчиками. Кто-то уже торговался у гончаров, кто-то примерял сапоги у сапожников.

Наш стенд постепенно обрастал любопытными. Сначала подходили просто поглазеть, потом появились и те, кто задавал вопросы. Я встал за прилавок, приготовившись к бесконечному повторению одного и того же.

Мужик в картузе, с окладистой бородой, долго вертел в руках замок с секретом.

— И что ж, никак не вскрыешь, говоришь?

— Попробуйте, — усмехнулся я. — Если откроете без ключа, замок ваш даром.

Мужик хмыкнул, поковырялся, даже ножиком попытался поддеть язычок, но всё было бесполезно.

— Хитро. — Сказал он, качая головой. — Ну а цена, поди, ещё хитрее?

— Цена обычная, — я назвал ему отнюдь не сногшибательную цифру. — Просто работаем качественно, да и лишнего не берём.

Мужик отошёл, но вернулся с ещё одним, и они уже вдвоём принялись с интересом рассматривать наш ассортимент.

Я отвечал на вопросы, показывал, как работает тот или иной механизм, давал подержать в руках инструмент. Рядом крутился Митька, подавал образцы, сверкал глазами, гордый, что стоит у такого важного дела. Гришка, надев свой лучший фартук с эмблемой «Молот и шестерня», стоял чуть поодаль и зорко следил за порядком, готовый в любую минуту прийти на помощь.

Публика глазела, цокала языками, но пока не спешила ничего у нас заказывать. Да мы и не торопили. Цель на сегодня была скорее не сорвать куш, а запомниться. Чтобы человек, которому понадобится надёжная вещь, вспомнил: «А был там, в кузнечном ряду, молодой мастер с чудными замками. Говорят, вот его вещи точно на века». Сарафанное радио, оно подороже любой рекламы.

К полудню солнце наконец-то пробило пелену облаков, и ярмарка заиграла совсем иными красками. Засверкали начищенные бока самоваров, заблестели клинки у оружейников, заискрились разноцветные платки и ленты.

Я стоял за прилавком, ощущая, как в груди разливается странное, давно забытое чувство. Не просто удовлетворение от проделанной работы, а что-то большее. Я был частью этого пёстрого, шумного, пахнущего тысячей запахов мира. Я не прятался, не выжидал, а строил свою жизнь сам, кирпичик за кирпичиком. И сегодняшний день был аккурат одним из таких кирпичиков.

Краем глаза я следил за толпой. Где-то там, среди этого людского моря, мелькнуло знакомое лицо... Но я отогнал мысль, показалось, наверное. Однако за работой я и правда не оставляю времени на личное.

Я как раз объяснял какому-то бородатому мастеровому, почему наш кронштейн выдержит тройную нагрузку, когда краем глаза уловил в толпе движение, которое заставило сердце пропустить удар.

К нашему стенду приближалась группа. Впереди, чуть рассекая людской поток тяжёлой, уверенной походкой, шёл дородный мужчина в дорогом сюртуке тонкого сукна, с тростью из морёного дуба с серебряным набалдашником. Лицо холёное, с аккуратно подстриженной бородкой, глаза умные, цепкие, аккурат из тех, что привыкли оценивать всё вокруг как товар. Купец первой гильдии, без сомнения. А рядом с ним... Анна.

Она была в светлом платье с кружевной отделкой, в изящной шляпке с широкими полями, из-под которой выбивался локон волос. Она держалась с достоинством, но я заметил, как её пальцы чуть сжали ридикюль от волнения. Наши взгляды встретились на секунду, и в этом мгновении промелькнула искра, но она тут же отвела свои глаза, соблюдая приличия.

Я запнулся на полуслове. Бородатый мастеровой удивлённо крикнул:

— Молодой человек, вы чего замолкли? Я ж не понял ничего про закалку.

— Простите, сударь, — я мотнул головой. — Давайте я потом объясню подробнее. Видите ли, сейчас немного занят.

Мужик хмыкнул, но отошёл, бросив взгляд на подходящую компанию.

Группа остановилась у стенда. Купец окинул взглядом наши изделия, но не бегло, а внимательно, по-хозяйски. Анна стояла чуть позади, и я поймал себя на том, что безотрывно смотрю на неё. Пришлось сделать усилие, чтобы перевести взгляд на её... отца?

— Чем могу служить, господа? — начал я официально, но тут Анна чуть заметно улыбнулась, и я сбился и слегка кивнул ей.

Она ответила лёгким наклоном головы, но не проронила ни слова. Купец же мгновенно уловил этот наш обмен взглядами. Он резко повернулся к дочери, приподняв вверх бровь:

— Дочка, вы знакомы?

В его голосе, на удивление, не было строгости, скорее спокойное любопытство. Но я почему-то ощутил, как под ложечкой похолодело. Вот так сюрприз, не так я планировал знакомиться с её родителями.

— Мы учимся в одном университете, папенька. — Анна слегка покраснела, но голос её прозвучал совершенно спокойно. — Алексей Митрофанович... — она сделала крошечную паузу, — один из самых необычных наших студентов. Профессор Вольский ставит его в пример на семинарах.

Я чуть не поперхнулся. Вольский, и другим ставит меня в пример? Но виду не подал, лишь скромно опустил глаза.

Её отец, теперь я знал это наверняка, Михаил Кузьмич Серебряков, тульский купец, владелец многих мануфактур, посмотрел на меня с новым интересом. Взгляд его стал чуть мягче, но остался оценивающим.

— Вот как? — протянул он. — Сам Вольский? Значит, не зря мы к вам подошли. А я уж думал, что это дочку в кузнечный ряд потянуло.

Анна вспыхнула, открыла рот, чтобы возразить, но в этот момент сзади раздалось громкое:

— Михал Кузьмич! Сколько лет, сколько зим!

Мы все невольно обернулись. К нам, широко улыбаясь, шагал Новиков: грузный, седой, с лицом, изрезанным морщинами, и глазами хищной птицы, которые, несмотря на возраст, смотрели остро и зорко. Рядом с ним семенил человек в очках с толстыми стёклами, прижимая к груди потёртый портфель. Одет второй был скромно, но добротнo, очевидно, что не бедствует, но и не шикует.

Новиков подошёл, довольно улыбаясь и протянул распахнутую Серебрякову пятерню ладонью вверх, которую тот с удовольствием пожал и улыбнулся, видно, и правда старые знакомые.

- Утра доброго хорошему человеку! - басовито прогудел Новиков. — А я тебя ещё в ткацком ряду заметил, думаю, дай-ка подойду, проведаю. Ты что же, тоже на нашего самородка пришёл поглядеть?

— Да вот, дочка привела. — Серебряков ухмыльнулся, поправляя сюртук. — Говорит, талантливый молодой человек.

— Талантливый? — Новиков хохотнул. — Да он не талантливый, он гениальный! — и, не дожидаясь ответа, обернулся ко мне: — Алексей Митрофанович! А я вас ишу. — Он кивнул на очкарика: — Вот, Павел Иванович, инженер из Петербурга. Специально приехал на ярмарку, да, видать, не зря. Я ему как раз рассказывал, как вы мою лебёдку за пару дней починили, пока они там всё сметы рисовали да чертежи строили.

Инженер, названный Павлом Ивановичем, робко выступил вперёд, поправил очки и произнёс тихим, слегка скрипучим голосом:

— Алексей... э-э... Митрофанович? Не могли бы вы уделить мне несколько минут? Я представляю техническое бюро при Министерстве путей сообщения. Мне очень интересно, каким образом вы добились такой... э-э... эффективности ремонта. Наши инженеры оценивали только подготовительные работы на две недели.

Я вежливо кивнул, но Новиков, не дав мне и рта раскрыть, снова захохотал:

— Да что вы его пытаете, Павел Иванович! Вы лучше поглядите, что у него тут за товар! — он уже крутил в руках небольшой топорик с нашего стенда. — Вот, к примеру, топор. Вроде

обычный, ан нет! — он с размаху всадил его в чурбан, стоявший рядом для демонстрации. Топор вошёл в дерево, как в масло, и застрял. Новиков дёрнул обратно, но бесполезно, пришлось Митьке подбежать и вытаскивать.

Толпа вокруг загудела, засмеялась. Кто-то даже захопал.

— Видали? — Новиков поднял топор над головой. — А говорят, в Туле умеют только самовары паять! Вот вам, люди добрые, настоящий тульский мастер!

Серебряков смотрел на меня уже с нескрываемым уважением, а Анна с гордостью. А Павел Иванович, казалось, забыл, зачем пришёл, и теперь с благоговением рассматривал кронштейн, который я до этого показывал мастерскому.

Новиков, воспользовавшись паузой, вдруг взял меня под локоть и мягко, но настойчиво отвёл в сторону, шага на три от стенда.

— Алексей, — голос его стал тише, но не потерял напора, — дело есть. Серьёзное. У меня на складе, недалеко от того ангара, где мы с вами первую встречу имели, стоят механизмы. Паровые, махины здоровенные. Требуют ремонта и обслуживания, а главное, надзора постоянного. Сам я стар уже, — тут он усмехнулся, и продолжил, — приказчики мои дураки в этой машинерии, а инженеры из столицы дерут втридорога и делают месяцами. Мне бы толкового человека рядом, да постоянно, на подхвате. Чтобы и гайку подкрутить, и новый узел спроектировать мог. За деньгами, сами понимаете, не постою. Ну что скажете?

Я задумался. Предложение и впрямь было заманчивое. Постоянный крупный заказчик, это, в первую очередь, стабильность. Но, если соглашаться, то и нагрузка возрастёт, а времени и так в обрез. Флигель, учёба, Вольский, мастерская... С другой стороны, отказаться сейчас, значило упустить шанс.

— А где именно уютиться придётся? — спросил я, взвешивая каждое слово. — И что за объём работ?

Новиков оживился, сразу почувствовав, что лёд тронулся.

— Ангар есть, на набережной, рядом с пакгаузами. Отдельный вход, выход есть прямо к реке, участок небольшой, коса, но места более, чем достаточно. Ряд там тупиковый, никто не помешает, да и лишнего не увидит. Оплата ежемесячно, плюс премии за каждую удачную доработку. Да и вашему гешефту мешать не буду, мои подводы каждый день по городу мотаются. Везите с кузни в ангар, да куйте себе на здоровье, если вдруг другой работы нет.

Я кивнул, обдумывая. Заманчиво, очень заманчиво.

— Дайте мне пару дней, Гордей Лукич. — Я улыбнулся. — Я подумаю, прикину свои силы и обязательно свяжусь с вашим приказчиком.

— Добро! — Новиков протянул мне широкую, мозолистую ладонь. Мы пожали друг другу руки, и я ощутил крепость его хватки, стар он уже, конечно-конечно.

Мы уже собрались вернуться к стенду, как вдруг со стороны главной площади донёсся резкий, пронзительный свист. За ним ещё один, пронзительнее первого, и ещё. Толпа, ещё минуту назад беззаботно гудевшая вокруг лавок, вдруг дрогнула, словно по ней прошла невидимая волна. Люди начали оборачиваться, расступаться, освобождая проход. Кто-то ахнул, кто-то приподнялся на цыпочки, пытаясь разглядеть, что случилось.

Я тоже обернулся и увидел.

От главных ворот, со стороны собора, к нашему ряду чеканила шаг группа городских. Впереди, грузно переваливаясь, словно старый, но ещё крепкий медведь, шагал пристав, мужчина лет пятидесяти с пышными бакенбардами, и усталыми, но цепкими глазами, которые, казалось, видели всё и сразу. Форменный китель сидел на нём мешком, но золотые пуговицы сверкали на солнце, а шашка на боку покачивалась в такт шагам. За ним следовали четверо городских, молодых, но с такими же настороженными, деловитыми лицами. Один из них нёс в руке свёрнутый лист бумаги.

И, судя по всему, направлялись они к нам. Сердце ёкнуло и провалилось куда-то вниз. В голове мгновенно пронеслись мысли: мы что-то сделали не так? нарушение? Но тут же включился холодный, расчётливый ум. Спокойствие, только спокойствие, дёргаться последнее дело. Сначала слушаем.

Толпа вокруг нашего стенда затихла, словно выключили звук. Даже гармошка где-то вдалеке перестала играть, или мне просто показалось. Гришка побледнел, но с места не сдвинулся. Митька так замер с топором в руке. Сиплый, стоявший чуть поодаль, украдкой перекрестился.

Новиков нахмурился, сдвинув кустистые брови. Серебряков подобрался, выпрямился, и я вдруг увидел в нём не просто богатого купца, но человека, привыкшего к серьёзным разговорам. Анна шагнула ближе к отцу, и я заметил, как пальцы девушки побелели, сжимая ридикуль. Но её тревожный взгляд был устремлён на меня.

Пристав остановился в двух шагах от стенда, перевёл дух и окинул всех вокруг тяжёлым, оценивающим взглядом. Городовые встали полукругом, отсекая любопытных. Кто-то из зевак попытался протиснуться поближе, но один из служивых цыкнул на него, и тот отступил.

— Господин... — пристав заглянул в бумажку, которую ему тут же подал один из подчинённых, — Данилов, Алексей Митрофанович?

Голос у него оказался неожиданно высоким, что странно контрастировало с грузной фигурой.

— Он самый, — ответил я абсолютно спокойно. — Чем обязан?

Пристав поднял глаза от бумаги и посмотрел на меня уже с некоторым любопытством.

— Поступила жалоба от группы граждан. — Он помолчал, словно давая мне осознать всю серьёзность момента. — Якобы ваши изделия, представленные на ярмарке, не соответствуют заявленным стандартам прочности. Более того, есть подозрение, что они могут представлять угрозу для жизни и здоровья потребителей. — Он вздохнул, и в этом вздохе мне почудилось что-то личное, неслужебное. — Посему, господин Данилов, я вынужден попросить вас временно закрыть стенд и предоставить образцы продукции для изъятия и последующей экспертизы.

Толпа за спиной зашумела, загудела громче. Кто-то ахнул, кто-то зашептался. А один голос, ехидный, из задних рядов, выкрикнул:

— А мы говорили! Молод ещё, молоко на губах не обсохло, а туда же, в мастера лезет!

Я скосил глаза в ту сторону, но лица не разглядел, толпа колыхалась. Однако отметил про себя: «доброжелателем» мог быть кто угодно, от Меньшикова до «коллег»-кузнецов.

Гришка дёрнулся было вперёд, но я положил руку ему на плечо, вовремя останавливая. Сейчас главное не показать слабости.

— Господин пристав, — начал я, тщательно подбирая слова, — позвольте предложить иной путь. Если есть сомнения в качестве моих изделий — я готов провести экспертизу прямо сейчас, на месте, при всём честном народе.

Пристав удивлённо приподнял бровь, такого поворота он явно не ожидал.

— Это как же? — спросил он, и в голосе его мелькнуло любопытство.

Я шагнул в сторону, указывая на соседний стенд, где стояли старые кузнецы из Заречья, с которыми мы уже успели перекинуться парой слов. У них имелся небольшой, но вполне мощный гидравлический пресс.

— Вот, видите пресс? — я кивнул на соседей. — Соседи не откажутся помочь. Возьмём моё изделие, скажем, этот кронштейн, — я взял с прилавка увесистую деталь, — и любое другое с этого же ряда, для сравнения. Запустим пресс, приложим одинаковую нагрузку. И пусть все увидят, чья вещь выдержит, а чья треснет.

Пристав задумался. По лицу его пробежала тень, видимо, он уже сообразил, что жалоба, скорее всего, липовая, и ввязываться в публичный разбор ему не слишком хотелось. Но и отступить было поздно, слишком много свидетелей вокруг.

— Хорошо, — кивнул он наконец. — Давайте попробуем. Но если ваша вещь не выдержит, пеняйте на себя.

Я внутренне усмехнулся. Знал бы он, сколько таких кронштейнов я уже проверил и усилил своей магией. Не выдержит? Да он сам сломается раньше.

Я подошёл к соседнему стенду. Старый кузнец, бородастый, с руками, похожими на коряги, уже слышал наш разговор и теперь с любопытством смотрел на меня.

— Дед, сможешь? — спросил я. — Пресс твой нужен, на пару минут.

— А чего ж не помочь, — крикнул тот, сверкнув глазами из-под косматых бровей. — Давай, показывай, чего удумал.

Я обернулся к толпе. Люди уже сгрудились плотным кольцом, дышали в спины, тянули шею. Где-то в первом ряду стояли Новиков, Серебряков и Анна. Лицо Анны было бледным, но глаза горели. Новиков одобрительно кивал, будто сам всё это придумал.

— Господа! — обратился я к зевакам. — Кто хочет поучаствовать в честном испытании? Пусть кто-нибудь из вас выберет изделие с соседнего ряда, для сравнения.

Толпа загудела, задвигалась. Какой-то мужик в картузе, кажется тот самый, что недавно крутил мой замок, вдруг вышел вперёд и сказал:

— Давай вон тот, — он ткнул пальцем в стенд молодого парня, торговавшего кронштейнами попроще. — У него и цена дороже, чем у вас. Интересно, чего он там наковал.

Щеголеватый парень с усиками было дёрнулся, но под взглядами толпы нехотя протянул свой кронштейн. Вид у него был недовольный, но отступить было поздно.

Мы заложили оба образца под пресс. Старый кузнец встал у рычага, вопросительно глянул на меня.

— Давай, дед, — кивнул я. — Жми не спеша, но до упора.

Пресс закрипел, застонал, начал наращивать давление. Толпа затаила дыхание. Слышно было, как где-то вдалеке кричат дети, как галдят птицы, но здесь, в этом тесном кругу, стояла звенящая тишина.

Сначала дрогнул соседский кронштейн. Металл жалобно запел, пошёл рябью, раздался треск, и по нему побежала тонкая трещина. Давление всё росло, и трещина поползла дальше, всё больше расширяясь.

Мой кронштейн держался. Он лишь слегка прогнулся, пружиня под нагрузкой, но стоял насмерть. Я чувствовал его, как чувствовал каждую свою вещь: там, внутри, магия держала структуру, не давала металлу сломаться.

— Дави ещё! — крикнул я.

Дед навалился на рычаг всем весом. Соседский кронштейн с хрустом переломился пополам, одна половинка со звоном упала на мостовую.

Мой устоял.

Толпа выдохнула разом, и этот выдох прозвучал громче любого крика. А следом грянул гром человеческих звуков, одобрительный, восторженный, кто-то засвистел, кто-то захлопал в ладоши.

— Ай да мастер! — заорал басом какой-то детина в кожаном фартуке. — Ай да тульский!

— Молодец, парень! — поддержали его другие.

Старый кузнец отпустил рычаг, вытер пот со лба рукавом и с уважением посмотрел на меня:

— Ну, внучек, уважил. Я таких кронштейнов за тридцать лет не видывал.

Я подошёл к прессу, вынул свой образец — целый, только чуть погнутый в самом начале, да и то едва заметно. Поднял его над головой, показывая толпе. Раздался новый взрыв аплодисментов.

Пристав стоял, сложив руки на животе, и смотрел на меня уже без всякого официоза. В глазах его мелькнуло нечто похожее на уважение, смешанное с облегчением, инцидент был исчерпан, и ему не придётся писать длинные рапорты.

— Извините, господин Данилов, — произнёс он, подходя ко мне ближе. — Формальности соблюдены, жалоба не подтвердилась.

— Да я всё понимаю, — негромко произнёс я, — не отреагировать вы тоже не могли.

— Кто жаловался, господин Данилов, знать не хотите? — спросил он тихо, чтобы не слышала толпа.

— Догадываюсь, — так же тихо ответил я. — Но сейчас с этим разбираться нет времени.

Пристав кивнул, отдал честь и, махнув городовым, увёл их прочь. Толпа расступилась, провожая их взглядами, но тут же снова сомкнулась у нашего стенда. Теперь уже не просто глазели, покупали. Вернее, хватали. Кто кронштейн, кто замок, кто просто хотел перекинуться парой слов с «тем самым молодым мастером».

Я вернулся к стенду. Гришка сиял, Митька уже записывал заказы на клочке бумаги. Новиков довольно потирал руки.

— Ну что, Алексей Митрофанович, — прогудел он, — теперь вся Тула знает, к кому идти за надёжным инструментом!

Я перевёл взгляд на Анну. Она стояла рядом с отцом, и лицо её покраснело от волнения. Наши глаза встретились, и она улыбнулась, так светло, так тепло, что у меня на мгновение снова перехватило дыхание.

День удался, даже больше, чем я мог предположить. Жизнь набирала обороты, и ярмарка стала одной из тех вех, которые меняют всё.

Глава 7

Пролётка неторопливо ехала по набережной, и цоканье копыт лошадей гулко раздавалось по мостовой, отражаясь от каменных стен домов. Я сидел, откинувшись на довольно жёсткую спинку сиденья, и краем глаза наблюдал за Женькой. Парень беспокойно ёрзал, вертел головой, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в густой утренней дымке. Забавная картина.

Внутри меня бурлило от предвкушения: новое место, новые возможности, но и, вместе с тем, новые риски. Предложение Новикова я, разумеется, принял, уж слишком заманчивыми оказались условия купца. Однако, он и себя не обидел, понимал, старый жук, что за автоматизацией будущее, а без должного присмотра любой механизм со временем превратится в металлолом.

— Алексей Митрофанович, — не выдержал, наконец, Женька, — а большое там помещение? Ну, этот ангар?

— Увидишь, — усмехнулся я. — Гордей Лукич говорил, что места там предостаточно. Как и работы, впрочем.

— А мы вдвоём-то справимся? — в его голосе слышалось явное сомнение.

— Пока что вдвоём, Женья. Остальные останутся в кузнице, после ярмарки заказов валом. — Задумчиво произнёс я. — В планах перевезти всё сюда, оставив нашу кузницу как приёмный пункт да мастерскую для мелких ремонтов. Так что мы с тобой открываем новый фронт работ.

Женька расправил плечи, но в его глазах всё ещё читалась неуверенность. Ничего, со временем пройдёт.

Наконец мы остановились у длинного кирпичного здания с покатой крышей. Справа плескалась река, вся свинцовая под низким осенним небом. Слева тянулись пакгаузы, возвышались штабеля бочек, громоздились горы угля. В воздухе витали запахи тины, угольной гари и прелой листвы.

— Приехали, — сказал я, спрыгивая на землю.

Из ворот ангара уже выходил Новиков. Одет он был в костюм попроще, чем на ярмарке, да и, судя по запylённым штиблетам, всяко не присел ещё. Сразу видно человека, что радеет за своё... как за своё.

— Алексей Митрофанович! — прогремел он, протягивая широкую ладонь. — Уж заждался я. Подумалось, и не приедете.

— Дела, Гордей Лукич, — пожал я протянутую руку. — Но обещал, сделал.

— Это я уважаю, — кивнул он и перевёл взгляд на Женьку. — А это, значит, твой помощник?

— Женья, самый толковый из моих ребят, — сказал я, при этих словах парень зарделся. — Теперь будет здесь постоянно, бдеть, так сказать.

Новиков окинул Женьку цепким взглядом и хмыкнул:

— Ну смотри, парень. У меня работа серьёзная, не забалуешь, — довольно произнёс купец и, не дожидаясь ответа, махнул рукой: — Пошли, пошли, покажу ваше новое хозяйство.

Внутри ангар оказался поистине огромным. Высоченные потолки терялись в полумраке, узкие окна под самой крышей давали лишь скудный свет. Но Новиков зажёл пару мощных фонарей, и помещение словно оживило. Вдоль стен громоздились механизмы: чугунные туши прессов, переплетения труб, маховики, валы.

— Вот, — Новиков с любовью погладил бок ближайшего агрегата. — Пресс старый, ещё батюшка мой ставил. До сих пор работает, хотя и капризничает. Ты уж глянь, Алексей Митрофанович, может, что придумаешь.

Я подошёл ближе, провёл рукой по холодному металлу, и прикрыл глаза. Привычное «зрение» включилось мгновенно. Металл отозвался глухим гулом, где-то внутри чувствовалась усталость, микротрещины прятались в сочленениях.

— Работы хватит, — сказал я, открывая глаза. — Но ничего критичного. Подтянуть кое-что, смазать кое-где, да пару узлов заменить. Сделаем.

Новиков довольно крякнул:

— Я в тебя верю, Алексей Митрофанович. — Он повёл нас дальше. — А вот дробилка для руды. С ней прямо беда: клинит постоянно, стучит, сил уже моих нет. Механики мои головы сломали, а толку чуть.

Я осмотрел дробилку, покачал головой:

— Тут конструкция неудачная. Можно переделать, но на это времени много уйдёт, и материалы...

— Материалы будут, — сказал, как отрезал Новиков. — Ты только скажи, дальше не твоя головная боль.

Мы прошли в дальний конец ангара, где обнаружился отгороженный дощатой перегородкой довольно компактный закуток. Внутри стоял новенький верстак, тиски, полки для инструментов, рядом находилась небольшая конторка с печкой-буржуйкой и топчаном.

— Здесь обустраивайтесь, — Новиков обвёл рукой пространство. — Вода подведена, свет проведу на днях. Пока фонарями придётся обойтись, но это ненадолго. Это вам на первое время, а дальше, — он указал вдаль, где в темноте терялось окончание ангара. — Это всё будет ваше.

— Правда, — тут он слегка замялся, — давно заброшен был этот тупичок, но людей и подводу я организую, за неделю вычистим, и сможете сразу расширяться.

— Спасибо, Гордей Лукич, — искренне произнёс я, чувствуя прилив благодарности. — Выше всяких похвал.

Он махнул рукой, словно отмахиваясь от комплиментов, и подвёл нас к задней двери, распахнул и перед нами открылся небольшой дощатый причал. Река беспокойно плескалась практически у самых ног, туман медленно плыл над водой, где-то вдалеке закрикала одинокая утка.

— Видишь? — Новиков указал вдаль своим мощным пальцем. — Тупиковый ряд, никто не шастает. Летом сплавлять детали удобно, зимой есть санный путь. Полная свобода. Если что-то тяжёлое привезти, то и через ворота можно, я договорюсь.

Я стоял, вглядываясь в водную гладь. Здесь, вдали от городской суеты и любопытных глаз, можно было наконец-то работать спокойно. Здесь я действительно мог стать хозяином положения.

Вернувшись в ангар, Новиков достал из внутреннего кармана пухлый конверт, и протянул его мне с торжественным видом:

— Задаток. На обустройство там, на материалы, просто на первое время. Если понадобится ещё, ты говори, не стесняйся.

Я замялся, чувствуя неловкость от такой щедрости:

— Гордей Лукич, мы же про задаток с вами не договаривались...

— Договаривались работать, — перебил он меня нарочито строгим тоном. — А без денег никакая работа не спорится. Бери, не сомневайся, — сказал он совсем по-свойски и, понизив голос до доверительного шёпота, добавил: — Ты мне, Алексей, не просто механик. Ты надежда. Я в твои руки верю, как в свои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.